

Лауреат Нобелевской премии
по литературе

ОРХАН ПАМУК

Снег

Азбука Premium

Орхан Памук

Снег

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44

Памук О.

Снег / О. Памук — «Азбука-Аттикус», 2002 — (Азбука Premium)

Орхан Памук – известный турецкий писатель, обладатель многочисленных национальных и международных премий, в числе которых Нобелевская премия по литературе за «поиск души своего меланхолического города». В самом деле, действие почти всех романов писателя происходит в Стамбуле, городе загадочном и прекрасном, пережившем высочайший расцвет и печальные сумерки упадка. Действие романа «Снег», однако, развивается в небольшом провинциальном городке, куда прибывает молодой поэт в поисках разгадки причин гибели нескольких молодых девушек, покончивших с собой. Здесь, будто на краю земли, обитает совсем другой народ, исповедующий строгие религиозные правила. Отрезанный от целого мира необъятными белыми пространствами, занесенный по крыши снегами, городок и не думает дремать, а напротив – внимательно следит за каждым шагом незваного гостя... В настоящем издании роман печатается в новой редакции.

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44

© Памук О., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

1	6
2	10
3	16
4	25
5	30
6	35
7	41
8	48
9	55
10	59
11	64
12	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Орхан Памук

Снег

© А. Аврутина, перевод, 2007, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Рюйе

Переводчик выражает благодарность доценту кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ А. И. Пылеву, а также научному сотруднику Государственного Эрмитажа Т. М. Гудковой за консультации в процессе работы

Все наше внимание направлено на опасные
крайности всего сущего,
На честного вора, на милостивого убийцу,
На западного суеверного атеиста.

Роберт Браунинг. Доклад отца Блуграма

Политика в литературном произведении груба, как пистолет, который стреляет посреди концерта, но это то, чем мы не можем пренебречь. А теперь мы будем говорить об отвратительных вещах...

Стендаль. Пармская обитель

Уничтожьте народ, истребите, заставьте его молчать. Потому что просвещение Европы гораздо важнее народа.

Достоевский. Из черновиков к роману «Братья Карамазовы»

Европеец во мне утратил покой.

Джозеф Конрад. Глазами Запада

1

Безмолвие снега

Поездка в Карс

«Безмолвие снега», – думал человек, сидевший за спиной шофера в автобусе. Если бы это было началом стихотворения, он назвал бы безмолвием снега то, что он чувствовал.

На автобус, который должен был отвезти его из Эрзурума в Карс, он успел в последнюю минуту. Он добрался до автовокзала в Эрзуруме после двухдневного пути из Стамбула сквозь снег и ураган, и, когда, бродя с сумкой в руках по грязным и холодным коридорам, попытался узнать, откуда отправляется автобус, который отвезет его в Карс, какой-то человек сказал, что автобус отходит с минуты на минуту.

Помощник водителя в старом «магирусе», на который он все-таки успел, сказал: «Мы торопимся», потому что не хотел опять открывать багажник, и путешественнику пришлось взять с собой в автобус большую вишневого цвета дорожную сумку фирмы «Балли» – теперь он сидел у окна, поставив ее между ногами. На нем было толстое пальто пепельного цвета, купленное лет пять назад во Франкфурте, в магазине сети «Кауфхоф». Сразу скажем, что в те дни, которые он проведет в Карсе, это прекрасное, невероятно мягкое пальто станет для него источником смущения и беспокойства, но в то же время будет дарить ему чувство уверенности.

Автобус отправился в дорогу, и, в то время как сидевший у окна путешественник, словно надеясь увидеть что-то новое, во все глаза рассматривал окраинные кварталы Эрзурума, крошечные нищие бакалейные лавки, пекарни и помещения ветхих кофеен, пошел снег. Этот снег был гуще и крупнее того, что сыпал по пути из Стамбула до Эрзурума. Если бы путешественник, сидевший у окна, не устал так в дороге и внимательнее посмотрел бы на огромные снежинки, планирующие с неба, как птичьи перья, он смог бы почувствовать, что приближается сильный буран, и, возможно, вернулся бы назад, поняв, что отправляется в путешествие, которое изменит всю его жизнь.

Но ему и в голову не пришло вернуться. Он смотрел на небо, которое, когда начало вечереть, стало светлее земли, и видел кружащиеся на ветру снежинки, становившиеся все крупнее, – но они казались ему не предвестниками приближающейся беды, а возвратившимися наконец знаками счастья и чистоты из далекого детства. Неделию назад путешественник, сидевший у окна, впервые за двенадцать лет вернулся в город, где провел годы детства и где был счастлив. Он вернулся в Стамбул из-за смерти матери, пробыл там четыре дня, а потом отправился в эту совершенно случайную поездку в Карс. Он чувствовал, что этот сверхъестественно красивый снег делает его счастливым даже больше, чем Стамбул, который удалось увидеть впервые за долгие годы. Он был поэтом и много лет назад в одном стихотворении, малоизвестном турецкому читателю, написал, что даже и во сне однажды в жизни можно увидеть, как идет снег.

Снег шел – медленно и безмолвно, как во сне, – и путешественника, сидевшего у окна, наполнило чувство чистоты и безгрешности, которое он годами страстно искал, и он радостно поверил в то, что сможет не чувствовать себя в этом мире чужим. Спустя какое-то время он сделал то, чего не делал давно и что ему даже не приходило в голову, – просто заснул в кресле.

Давайте тихонько расскажем о нем, воспользовавшись тем, что он спит. Вот уже двенадцать лет, как он жил в Германии политическим изгнанником, хотя политикой особенно никогда не интересовался. Главной его страстью была поэзия, занимавшая все его мысли. Ему было сорок два года, он никогда не был женат. Пока он сидел, скрючившись в кресле, этого

было не заметно, но для турка он был довольно высокого роста, у него была светлая кожа, в дороге ставшая еще бледнее, и светло-каштановые волосы. Он был застенчив, ему нравилось одиночество. Если бы он знал, что, уснув, через какое-то время из-за тряски в автобусе уронит голову на плечо соседа, а затем себе на грудь, он очень смутился бы. Путешественник, навалившийся всем телом на соседа, был человеком добросердечным, справедливым, порядочным и оттого печальным, подобно нерешительным и неудачливым в личной жизни персонажам Чехова. Позже мы часто будем возвращаться к теме печали. Сразу скажу, что путешественника, который, как я понимаю, не сможет долго спать в такой неудобной позе, звали Керим Алакушоглу, однако ему совсем не нравилось это имя, и он предпочитал, чтобы его звали Ка¹ – по первым буквам имени и фамилии: в этой книге я буду звать его так же. Еще в школе наш герой отваживался упрямо подписывать контрольные и экзаменационные работы «Ка», затем в университете писал «Ка» в ведомости посещаемости и из-за этого всегда конфликтовал с учителями и чиновниками. Поскольку он приучил свою мать, свою семью и своих друзей к этому имени и под этим именем выходили книги его стихов, то в Турции и среди турок, живущих в Германии, за именем Ка закрепилась негромкая загадочная слава. Подобно шоферу, который, отъехав от автовокзала в Эрзуруме, пожелал пассажирам счастливого пути, я тоже сейчас скажу: «Счастливого пути, дорогой Ка...» – но я не хочу вводить вас в заблуждение, я старый приятель Ка и знаю, что случится с ним в Карсе, еще не начав рассказывать об этом.

После Хорасана автобус повернул на север, к Карсу. Когда на одном из спусков дороги, которая петляла, то поднимаясь, то спускаясь, шофер резко затормозил перед внезапно показавшейся телегой, Ка сразу проснулся. Много времени не понадобилось, чтобы влиться в атмосферу братства и единства, сложившуюся в автобусе. Всякий раз, когда автобус сбрасывал скорость на повороте или на краю обрыва, Ка, как и пассажиры, сидевшие сзади, тоже вставал, чтобы лучше рассмотреть дорогу, хотя и сидел сразу за водителем: показывал пропущенные, непротертые места пассажиру, который из огромного желания помочь шоферу протирали запотевшее лобовое стекло, хотя помощь Ка не замечали; а когда снежная буря усиливалась и вытирать моментально белеющее лобовое стекло не успевали, Ка пытался понять, в какую сторону тянется шоссе, которого теперь совсем не было видно.

Дорожных знаков тоже не было видно, потому что их совсем замело. Когда буря разыгралась не на шутку, водитель выключил дальний свет, и дорогу в полумраке стало видно лучше, а в автобусе стало темно. Испуганные пассажиры, не разговаривая друг с другом, смотрели на заснеженные улочки маленьких бедных городков, на тусклый свет в ветхих одноэтажных домах, на невидные теперь ведущие к деревням дороги и на пропасти, освещенные бледными огнями. Если они и разговаривали, то шепотом.

Сосед по креслу, в объятия которого упал, заснув, Ка, точно так же шепотом спросил у него, зачем он едет в Карс. Легко было понять, что Ка не из Карса.

– Я журналист, – прошептал Ка.

Это было неправдой.

– Я еду писать про муниципальные выборы и женщин-самоубийц.

Это было правдой.

– Все стамбульские газеты писали об убийстве мэра Карса и о самоубийствах женщин, – сказал сосед. В его голосе слышалось сильное чувство – не то гордости, не то смущения, Ка не смог понять.

Время от времени Ка разговаривал с этим худым симпатичным крестьянином, которого вновь встретит через три дня в Карсе, когда будет плакать на засыпанном снегом проспекте

¹ Существует некая символическая связь между именем героя Ка, снегом (по-турецки «каг»), который идет на протяжении всего романа, и местом действия – городом Карсом; кроме того, «герой», «персонаж» по-турецки «kahraman», в сокращенном варианте – Ка. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Халит-паши. Ка узнал, что мать крестьянина увезли в Эрзурум, поскольку в больнице Карса не было возможности ей помочь, что тот держит скот в одной из деревень вблизи Карса, что они еле-еле сводят концы с концами, однако он не ропщет, а также узнал, что (по загадочным причинам, которые он не смог объяснить Ка) он расстраивается не из-за себя, а из-за своей страны и что он рад, что такой образованный человек, как Ка, приехал из самого Стамбула, чтобы узнать о бедах Карса. В его чистой речи, в том, как степенно он разговаривал, чувствовалось некое вызывающее уважение благородство.

Ка показалось, что присутствие этого человека дает ему ощущение покоя. Он вспомнил чувство, которое не испытывал за двенадцать лет своей жизни в Германии, с тех самых пор, как в последний раз имел возможность радоваться тому, что понимает человека слабее себя и сочувствует ему. В такие минуты он старался смотреть на мир глазами этого человека, которого сейчас любил и которому сострадал. Подумав об этом, Ка понял, что почти не боится нескончаемой снежной бури, что они не упадут в пропасть и что пусть с опозданием, но автобус все-таки доедет до Карса.

Когда в десять вечера, опоздав на три часа, автобус въехал на заснеженные улицы Карса, Ка совсем не узнал город. Он не мог понять, где здание вокзала, которое появилось перед ним однажды весенним днем двадцать лет назад, когда он приехал сюда на паровозе; где отель «Джумхуриет»², к которому таксист подвез его, покругив сначала по всему городу, и в котором каждый номер был с телефоном. Под снегом все словно стерлось, как будто исчезло. Несколько запряженных лошадьми телег, ожидавших на автовокзале, напоминали о прошлом, однако город выглядел еще более печальным и бедным, чем двадцать лет назад, каким его запомнил Ка. Сквозь заледеневшие окна автобуса Ка видел блочные жилые дома и пластиковые панно, из-за которых в последние десять лет все города Турции стали похожими друг на друга, и флажки с предвыборной рекламой, развешанные на веревках, натянутых поперек улицы.

Как только он вышел из автобуса и коснулся ногами невероятно мягкого снега, под брюки потянуло резким холодом. Когда Ка выяснял, как пройти к отелю «Кар-палас»³, номер в котором он забронировал из Стамбула по телефону, он увидел знакомые лица среди пассажиров, забиравших свои чемоданы у помощника водителя, но снег мешал вспомнить, кто это.

В закусочной «Йешил-юрт»⁴, куда он пошел после того, как разместился в отеле, он вновь увидел этих людей. Усталый, потрепанный жизнью, однако все еще привлекательный мужчина и полная, но подвижная женщина, видимо спутница его жизни. Ка помнил их по Стамбулу и по театральным постановкам семидесятых, переполненным политическими лозунгами. Мужчину звали Сунай Заим. Рассеянно глядя на них, он понял, что женщина похожа на его одноклассницу из начальной школы. У других мужчин за столом кожа была такой же мертвенно-бледной, что свойственно актерам. Что делала эта маленькая театральная труппа снежной февральской ночью в богом забытом городе? Перед тем как выйти из этой закусочной, которую двадцать лет назад посещали служащие в галстуках, Ка показалось, что за другим столом он увидел еще одного героя воинствующих леваков из семидесятых годов. Но воспоминания Ка тоже, казалось, стерлись, будто засыпанные снегом, как и обедневший и поблекший Карс, и закусочная.

Почему на улицах так пусто – из-за снега или, может, на этих замерзших мостовых вообще никогда никого не было? Ка внимательно прочитал предвыборную рекламу на стенах, объявления закусочных и учебных курсов, а также недавно повешенные губернской администрацией плакаты, порицающие самоубийство: «Человек – шедевр Аллаха, самоубийство – кощунство». Затем Ка увидел группу мужчин, смотревших телевизор в наполовину заполнен-

² «Республика».

³ «Снежный дворец».

⁴ «Зеленая страна».

ной чайной с заледеневшими окнами. Вид старых, построенных еще русскими каменных зданий, благодаря которым Карс представлялся Ка особенным, не похожим на другие города, пусть ненадолго, но успокоил его.

Одним из элегантных русских зданий в петербургском стиле был и двухэтажный отель «Кар-палас» с узкими высокими окнами. Чтобы попасть внутрь, нужно было пройти через арку, ведущую во двор. Когда Ка проходил под сводами построенной сто десять лет назад арки, достаточно высокой, чтобы здесь могли проезжать телеги, он почувствовал неясное волнение, однако он так устал, что даже не задумался об этом. Скажем все-таки, что это волнение было связано с одной из причин, по которой Ка приехал в Карс: три дня назад в Стамбуле, зайдя в редакцию газеты «Джумхуриет», он повстречал там друга молодости Танера, который сказал, что в Карсе будут выборы мэра, к тому же девушки в этом городе заразились странной болезнью совершать самоубийства, совсем как в Батмане, и предложил ему поехать в Карс, чтобы написать об этом. Он сказал также, что никто не рвется писать на эту тему, а если Ка по прошествии двенадцати лет хочет увидеть и узнать настоящую Турцию, то ему выдадут временное журналистское удостоверение, и добавил, что в Карсе находится их университетская приятельница, красавица Ипек⁵. Они с Мухтаром расстались, и теперь она живет в отеле «Кар-палас» со своим отцом и сестрой. Слушая Танера, ныне политического обозревателя «Джумхуриет», Ка вспомнил, какой Ипек была красавицей.

Получив ключ от двести третьего номера у портье по имени Джавит, который сидел и смотрел телевизор в вестибюле с высоким потолком, Ка поднялся на второй этаж, заперся в номере и только тут почувствовал себя спокойнее. Он внимательно прислушался к себе: нет, опасения, которые мучили его в дороге, не оправдались и ни его разум, ни сердце не были заняты вопросом, есть в отеле Ипек или нет. Он смертельно боялся влюбиться – об этой опасности его предупреждал инстинкт человека, все немногочисленные любовные истории в жизни которого не приносили ему ничего, кроме боли и стыда.

В полночь, надев пижаму, перед тем как лечь в постель в своем темном номере, Ка слегка раздвинул занавески и долго смотрел, как за окном, не останавливаясь, большими хлопьями падает с неба снег.

⁵ Шелк.

2

Наш город – спокойное место

Окраинные кварталы

Снег, скрывающий грязь, слякоть и темноту города, позволяющий забыть о них, всегда будил в Ка чувство духовной чистоты, но в первый же день, проведенный в Карсе, он утратил это навеянное снегом чувство безгрешности. Здесь снег был утомительным, наводил тоску и страшил. Снег шел всю ночь. Пока утром Ка бродил по улицам, сидел в кофейнях, заполненных безработными курдами, пока он, словно жаждущий информации журналист, встречался с избирателями (с ручкой в руке) или карабкался по обледенелым крутым дорогам в бедных кварталах, встречался с бывшим мэром, с заместителем губернатора и родственниками девушек-самоубийц, снег шел, не прекращаясь. Виды заснеженных улиц, которые в детстве, из окна их надежного дома в Нишанташи⁶, казались ему частью какой-то сказки, сейчас уже много лет как представлялись ему той границей, где начиналась жизнь среднего класса, о которой он мечтал многие годы как о последнем прибежище, и в то же время за этой границей лежала безнадежная бесконечная нищета, которую ему не хотелось даже представлять себе.

Утром, когда город еще только просыпался, он, не обращая внимания на снег, быстрым шагом двинулся от проспекта Ататюрка⁷ вниз, в кварталы «геджеконду»⁸, самые бедные в Карсе, по направлению к кварталу Кале-Ичи. Быстрым шагом проходя под заснеженными платанами и дикими маслинами, Ка смотрел на старые обветшалые русские дома, из окон которых наружу высовывались печные трубы, на снег, падающий сквозь пролом в куполе пустующей армянской церкви, построенной тысячу лет назад и возвышающейся между дровяными складами и электрическим трансформатором; он смотрел на задиристых собак, лаявших на каждого проходившего по построенному пятьсот лет назад каменному мосту через скованную льдом речку Карс, на тоненькие струйки дыма, подымавшиеся от крохотных лачуг в квартале Кале-Ичи, которые под снегом казались совсем пустыми и заброшенными; и ему стало так грустно, что на глаза навернулись слезы. Двое ребятишек, мальчик и девочка, отправленные рано утром на противоположный берег реки к пекарне, прижимали к себе горячие хлебы и, подталкивая друг друга, так счастливо пересмеивались, что Ка тоже улыбнулся им. С такой силой на него действовала не бедность и не безысходность, а странное и сильное чувство одиночества, которое впоследствии он все время будет ощущать повсюду в городе, глядя в пустые витрины фотомастерских, в заледеневшие окна чайных, битком набитых играющими в карты безработными, и на безлюдные заснеженные площади. Словно это было позабытое всеми место, и снег безмолвно падал на самый край света.

Утром судьба Ка начала складываться удачно: его встретили как известного стамбульского журналиста, он всем был интересен и каждый хотел пожать ему руку. Все – от заместителя губернатора до последнего бедняка – открывали ему двери и говорили с ним. Жителям Карса Ка представил Сердар-бей, издатель газеты «Серхат шехир»⁹, выходившей тиражом триста двадцать экземпляров. Некогда Сердар-бей отправлял в «Джумхуриет» сообщения о местных новостях (большинство из которых не печатали), так что в Стамбуле ему дали прозвище

⁶ Один из фешенебельных районов Стамбула.

⁷ *Мустафа Кемаль Ататюрк* – основатель и первый президент (1923–1938) Турецкой Республики.

⁸ Самые бедные кварталы турецких городов, дословно – «лачуги, незаконно построенные за одну ночь».

⁹ «Приграничный город». Карс расположен недалеко от границы.

Наш Собственный Корреспондент. Утром, выйдя из отеля, Ка первым делом разыскал этого старого журналиста (столкнулся с ним в дверях редакции его газеты) и сразу понял, что тот знаком со всем Карсом. Сердар-бей первым задал вопрос, который Ка зададут еще сотню раз за те три дня, что он проведет в этом городе.

– Добро пожаловать в наш приграничный город! Что вас сюда привело?

Ка сказал, что приехал наблюдать за выборами и, возможно, написать статью о девушках-самоубийцах.

– Слухи о самоубийцах преувеличены, как и в Батмане, – ответил журналист. – Давайте сходим к Касым-бею, заместителю начальника службы безопасности. Как бы то ни было, там должны знать о вашем приезде.

Это был обычай, сохранившийся в провинциальных городках с сороковых годов: каждый приезжий, будь он даже журналистом, должен явиться в полицию. Ка не стал возражать, поскольку был политическим эмигрантом, вернувшимся на родину спустя многие годы, а также потому, что, пусть об этом и не говорили вслух, вокруг ощущалось присутствие партизан из РПК¹⁰.

Под медленно падающим снегом они прошли через овощной рынок, по проспекту Казыма Карабекира¹¹, где расположились ряды торговцев скобяным товаром и запчастями, мимо чайных, где печальные безработные смотрели в телевизор или на падающий снег, мимо молочных лавок, где были выставлены огромные круги овечьего сыра, и за пятнадцать минут вдоль и поперек обошли весь город.

В одном месте Сердар-бей остановился и показал Ка угол, на котором застрелили прежнего мэра. Поговаривали, что он был убит из-за какого-то пустякового дела, из-за того, что где-то обрушился незаконно пристроенный балкон. Убийца был взят вместе с оружием через три дня после совершенного, на сеновале своего дома в деревне, куда он сбежал после преступления. За эти три дня успело появиться столько сплетен, что сначала никто не поверил, что именно этот человек совершил преступление, а настолько глупая причина убийства всех разочаровала.

Управление безопасности Карса находилось в длинном трехэтажном здании, вытянувшимся вдоль проспекта Фаик-бея, где стояло немало старинных каменных домов, которые когда-то принадлежали богатым русским и армянам, а затем в большинстве своем были отданы под государственные учреждения. Пока они ждали заместителя начальника службы безопасности, Сердар-бей показал Ка высокий потолок с лепниной и сообщил, что при русских, в 1877–1918 годах, здесь был особняк на сорок комнат одного богатого армянина, а потом русская больница.

Заместитель начальника службы безопасности, обладатель пивного животика Касым-бей, выйдя в коридор, пригласил их в свой кабинет. Ка сразу же понял: он не читает газету «Джумхуриет», поскольку считает ее левой; похвалы Сердар-бея в адрес чьих-либо стихов не производят на него благоприятного впечатления, но ему не хочется, чтобы Сердар-бей, владелец самой популярной местной газеты, это заметил. Когда Сердар-бей закончил говорить, Касым-бей спросил у Ка:

– Нужна вам охрана?

– Это как?

– Мы приставим к вам человека в штатском. Вам будет спокойно.

– Разве это необходимо? – спросил Ка, волнуясь, как больной, которому врач предложил ходить с палкой.

¹⁰ Рабочая партия Курдистана.

¹¹ Казым Карабекир – сподвижник Ататюрка, командующий Восточным фронтом в годы освободительной войны.

– Наш город – спокойное место. Смутьянов-террористов мы поймали. Но на всякий случай.

– Если Карс – спокойное место, то не нужно, – ответил Ка, про себя, правда, пожелав, чтобы помощник начальника службы безопасности еще раз повторил, что город – спокойное место. Однако Касым-бей этого не сделал.

Сначала они пошли в северные, самые бедные кварталы Карса – Кале-Ичи и Байрам-паша. Под непрекращающимся снегом Сердар-бей стучал в двери лачуг, построенных из камня, брикетного кирпича и шифера, просил женщин, открывавших двери, позвать хозяина дома и, если его узнавали, с доверительным видом сообщал, что Ка, его приятель, – известный журналист, приехавший в Карс из Стамбула из-за выборов, но он будет писать не только о выборах, но и о проблемах Карса, о причинах, подталкивающих женщин к самоубийству, и, если они ему расскажут о своих бедах, для Карса это будет хорошо. Некоторые радовались, приняв их за кандидатов в мэры, приходивших с пакетами макарон или печенья, с коробками мыла или с бидонами, полными подсолнечного масла. Те, кто из любопытства и гостеприимства решался пригласить их в дом, сначала говорили Ка, чтобы он не боялся лающих собак. А другие, решив, что это очередная полицейская облава и обыск, каких они много повидали на своем веку, открывали со страхом и, даже поняв, что пришедшие не имеют отношения к властям, безмолвствовали. Семьи покончивших с собой девушек (Ка за короткое время узнал о шести случаях) каждый раз говорили, что их дочери ни на что не жаловались, что они очень горюют и поражены случившимся.

Ка и Сердар-бей проходили в холодные, как лед, крохотные комнаты, где на земляном полу, порой прикрытом автомобильными ковриками, копошились дети (казалось, в каждом новом доме их больше, чем в предыдущем), играющие сломанными пластмассовыми игрушками (машинками и однорукими куклами), бутылками и пустыми коробками из-под лекарств и чая; хозяйева усаживали гостей на покрывившиеся стулья или старые диваны перед печками, в которых постоянно перемешивали угли, чтобы стало теплее, перед электрическими обогревателями, работавшими на ворованном электричестве, и перед неизменно включенными, хотя и без звука, телевизорами и рассказывали о нескончаемых бедах Карса, о его нищете, о его безработных и о девушках-самоубийцах. Матери, плакавшие о сыновьях, потерявших работу или попавших в тюрьму, банщики, которые, работая по двенадцать часов в день, с трудом содержали семью из восьми человек, безработные, не решающиеся пойти в чайную, ведь там придется потратить деньги, – все они сетовали на свою участь, на государство, на городские власти и так рассказывали Ка свои истории, словно говорили о бедах всей страны. В какой-то момент Ка, слушавшему эти исполненные гнева рассказы, стало казаться, что все дома, в которые он заходит, погружены в полумрак и ему уже не удастся различать очертания предметов, несмотря на яркий свет, лившийся в окна с улицы. Эта слепота, заставлявшая его переводить глаза на кружившийся на улице снег, словно тюлевая занавесь снежного безмолвия, застилала его разум, а память и мозг отказывались воспринимать рассказы о бедности и нищете.

И все же до самой своей смерти он не забыл ни одного из услышанных рассказов о самоубийстве. В этих историях больше всего Ка потрясли не бедность, безысходность или отсутствие взаимопонимания, не поведение родителей, которые постоянно били и мучили своих дочерей, не позволяя им даже выйти на улицу, не ревность мужей, не безденежье. Больше всего его пугало и поражало то, как легко и просто эти самоубийства вошли в обычную повседневную жизнь – словно нечто само собой разумеющееся.

Одна девушка, которой предстояла помолвка против ее воли с пожилым владельцем чайной, как обычно, поужинала вечером со своими родителями, тремя братьями и бабушкой, как обычно, собрала грязную посуду, пересмеиваясь и препираясь с братьями, потом пошла на кухню, чтобы принести десерт, но оттуда вышла в сад, через окно забралась в комнату родителей и спокойно выстрелила в себя из отцовского охотничьего ружья. Родители услышали

выстрел и нашли свою дочь не на кухне, а в спальне, скорчившуюся в лужи крови, и не поняли, почему она сделала это, и даже не смогли взять в толк, каким образом, будучи на кухне, она вдруг оказалась в их спальне. Другая шестнадцатилетняя девушка, как обычно, вечером сцепилась со своими братьями из-за того, какой канал смотреть по телевизору и кто будет держать пульт; получив две сильные затрещины от отца, решившего их разнять, она пошла в свою комнату и выпила залпом огромную бутылку с удобрением «Морталин», словно газированную воду. Еще одна девушка так боялась побоев от безработного и задавленного жизнью мужа, за которого она пятнадцатилетней вышла замуж по любви и которому полгода назад родила ребенка, что после привычной ссоры пошла на кухню, заперлась на ключ и, несмотря на крики мужа, который, догадавшись, что она там собирается сделать, пытался выломать дверь, повесилась на крюке с веревкой, приготовленными заранее.

Во всех этих рассказах сквозила безнадежность и завораживала стремительность перехода от обычного течения жизни к смерти, поразившие Ка. Вбитые в потолок крюки, ружья, заряженные заранее, бутылки с удобрением, припасенные в спальне, доказывали, что погибшие долгое время вынашивали мысли о самоубийстве.

Внезапные самоубийства девушек и молодых женщин начались в Батмане, в сотнях километров от Карса. Во всем мире мужчины совершают самоубийства в три-четыре раза чаще, чем женщины, но в Батмане женщин, которые покончили с собой, было в три раза больше, чем мужчин. Процент самоубийств превышал среднемировые показатели в четыре раза, и этот факт привлек внимание молодого прилежного сотрудника Анкарского государственного института статистики, но заметка, которую опубликовал в газете «Джумхуриет» его друг-журналист, никого в Турции не заинтересовала. Зато заинтересовались корреспонденты немецких и французских газет, съездили в Батман и рассказали об этом читателям в своих странах. Тогда происходящее сочли достойным внимания и их турецкие коллеги, после чего в город приехало очень много журналистов – и своих, и иностранных. С точки зрения чиновников, заинтересовавшихся этим случаем, ажиотаж в прессе спровоцировал на самоубийство некоторых других девушек. Заместитель губернатора, с которым разговаривал Ка, заявил, что по статистике количество самоубийств в Карсе не достигло уровня Батмана и «в настоящий момент» он не возражает против встреч с семьями погибших, но при этом попросил при разговоре с родственниками не употреблять слишком часто слово «самоубийство» и воздержаться от преувеличений в газете «Джумхуриет». В Батмане начали готовить комиссию для поездки в Карс; в нее вошли психолог, специализирующийся на самоубийствах, полицейские, прокурор и чиновники из Управления по делам религии; управление уже напечатало и расклеило осуждающие самоубийство плакаты: «Человек – шедевр Аллаха, самоубийство – кощунство», а также прислало в канцелярию губернатора предназначенные для раздачи населению брошюры духовного содержания с теми же словами в заглавии. Заместитель губернатора, однако, не был уверен в том, что эти «меры» остановят эпидемию самоубийств, начавшуюся в Карсе; он опасался, что меры эти приведут к обратному результату, потому что многие девушки приняли свое решение не столько под влиянием новостей о самоубийствах, сколько в ответ на речи против самоубийств, которые постоянно слышали от представителей властей, от своих отцов, мужей и проповедников.

– Без сомнения, причина самоубийств в том, что наши девочки слишком несчастны, – сказал Ка заместитель губернатора, человек с беличьим лицом и усами, похожими на щетку. – Однако если бы несчастливая жизнь была истинной причиной самоубийства, то половина турецких женщин покончила бы с собой.

По мнению заместителя губернатора, женщин выводил из себя мужской голос, которым говорили с ними религия, семья и государство, поучая: «Не совершай самоубийства!» – и он с гордостью сообщил Ка, что написал в Анкару о том, что по этой причине в состав комиссии необходимо включить хотя бы одну женщину.

Впервые мысль о том, что самоубийство заразно, как чума, возникла, когда в Карсе покончила с собой девушка, приехавшая из Батмана. Ее дядя, с которым Ка разговаривал после обеда в квартале Ататюрка, в саду под заснеженными дикими маслинами (их не пригласили в дом), курил и рассказывал Ка, что его племянница два года назад вышла замуж в Батмане, что она с утра до вечера занималась делами по дому, а свекровь постоянно пилила ее за то, что у нее нет детей, – но все это не было причиной для самоубийства. Нет, она подхватила эту идею в Батмане, где женщины так часто себя убивают! А здесь, в Карсе, рядом с родными, покойная выглядела счастливой, так что те были ошеломлены, когда утром того дня, когда ей предстояло вернуться в Батман, они нашли ее мертвой в кровати и прочитали оставленную у изголовья записку, где было сказано, что она приняла две коробки снотворного.

Первой примеру женщины, привезшей из Батмана в Карс мысль о самоубийстве, последовала через месяц ее двоюродная сестра. Причиной этого самоубийства, о котором Ка дал слово плачущим родителям рассказать в газете во всех подробностях, было то, что одна из учительниц девушки заявила в классе, что та не девственница. Сплетня за короткое время распространилась по всему Карсу, жених расторг помолвку, в дом забыли дорогу те, кто раньше приходил сватать эту красавицу. Бабушка девушки начала твердить: «Замуж ты не выйдешь», и однажды вечером, когда все вместе смотрели по телевизору сцену свадьбы и пьяный отец начал плакать, девушка залпом проглотила снотворное, которое копила, воруя у бабушки, и уснула (как и мысль о самоубийствах, метод тоже оказался заразительным). Когда вскрытие показало, что погибшая была целомудренна, ее отец обвинил в происшедшем не только учительницу, распространившую сплетню, но и покончившую с собой родственницу из Батмана. Родители рассказали о самоубийстве дочери со всеми подробностями, поскольку хотели, чтобы в газетной статье было объявлено, что обвинение необоснованно, и чтобы была наказана учительница, выдумавшая эту ложь.

Во всех этих рассказах Ка повергало в странное уныние то, что решившимся на самоубийство непременно удавалось найти нужное время и уединение, чтобы покончить с собой. А ведь даже девушки, тайком принявшие снотворное, с кем-то делили свои комнаты. Ка, воспитанный в Стамбуле, в Нишанташи, на западной литературе, всякий раз, задумываясь о самоубийстве, чувствовал, что для того, чтобы это сделать, необходимо много времени и комната, в дверь которой много дней никто не постучится. Каждый раз, когда он представлял себе самоубийство, которое совершит с чувством полной свободы, медленно выпив виски со снотворным, Ка так боялся ожидавшего его безграничного одиночества, что никогда всерьез не допускал мысли об этом.

Единственным человеком, который своей смертью пробудил в Ка это чувство одиночества, была повесившаяся месяц и неделю назад девушка, носившая платок. Это была одна из студенток педагогического института, которых сначала не допускали на лекции, а затем по приказу, пришедшему из Анкары, и в здание института – только за то, что они всегда ходили с покрытой головой. Ее семья была далеко не самой бедной из тех, с кем разговаривал Ка. Пока Ка пил кока-колу, которую ее печальный отец достал из холодильника в своем собственном магазинчике и открыл, прежде чем протянуть гостю, ему рассказали, что, перед тем как повеситься, девушка призналась своим родным и друзьям, что подумывает о самоубийстве. Возможно, надевать платок она научилась у матери, в семье, но считать это политическим символом ислама она научилась у своих упрямых подруг и у институтского начальства, запрещавшего его носить. Несмотря на давление со стороны родителей, она отказывалась снять платок, и оттого полиция не пускала ее в институт; в результате ее собрались отчислить за прогулы. Увидев, что некоторые ее подруги, перестав упорствовать, сняли платки, а некоторые взамен надели парики, она начала говорить отцу и подругам, что в жизни ничто не имеет смысла и что ей не хочется жить. В эти дни уже и исламисты, и государственное Управление по делам религии стали расклеивать в Карсе листовки и плакаты, твердившие, что самоубийство – это самый

большой грех, и никому и в голову не пришло, что такая религиозная девушка может покончить с собой. В свой последний вечер эта девушка (звали ее Теслиме) тихонько посмотрела сериал «Марианна», приготовила чай, налила его отцу с матерью, удалилась в свою комнату, совершила омовение и намаз, надолго погрузилась в собственные мысли, а затем помолилась и повесилась, привязав свой головной платок к крюку от люстры.

3

Голосуйте за партию Аллаха

Бедность и история

В детстве бедность для Ка была рубежом, где заканчивались границы его «дома» и жизни среднего класса в Нишанташи (отец-адвокат, домохозяйка-мать, милые сестры, верная прислуга, мебель, радио и шторы на окнах) и начинался другой, внешний мир. Там существовала опасная тьма, которую нельзя было пощупать, и потому детское воображение Ка придавало этому другому миру некое метафизическое измерение. Это измерение не очень поменялось за прошедшую с тех пор часть его жизни, так что трудно объяснить, почему, внезапно решившись отправиться из Стамбула в Карс, он действовал под влиянием некой силы, словно бы побуждавшей его вернуться в детство. Ка жил далеко от Турции, но знал, что Карс в последние годы стал самым бедным и забытым районом страны. Можно сказать, что, когда Ка, вернувшись из Франкфурта, в котором жил двенадцать лет, увидел, что все стамбульские улицы, где он ходил со своими друзьями детства, все лавочки и кинотеатры полностью изменились, исчезли или утратили свою душу, это пробудило в нем желание искать детство и его чистоту где-нибудь в другом месте, и поэтому он отправился в поездку в Карс, чтобы вновь встретиться с умеренной нуждой среднего класса, которую помнил с детства. И в самом деле, заметив в витринах на рынке коробки круглого карсского сыра, разделенного на шесть треугольных частей (первое, что он в детстве узнал о Карсе), газовые печи «Везувий» и спортивные туфли «Гиславед», которые носил в детстве и больше никогда не видел в Стамбуле, он почувствовал себя таким счастливым, что даже забыл о самоубийцах, и обрел душевный покой оттого, что оказался в Карсе.

Ближе к полудню, после встреч с журналистом Сердар-беем и представителями руководства Партии равенства народов и азербайджанской общины, Ка бродил один по городу, под снегом, падавшим огромными снежинками. Он прошел по проспекту Ататюрка, миновал мосты и грустно брел по направлению к самым бедным кварталам, когда почувствовал – и от этого на его глаза навернулись слезы, – что никто, кроме него, словно не замечает снега, падающего в тишине, которую ничто, кроме собачьего лая, не нарушает; снега, опускающегося на крутые горы, невидимые издалика, на лачуги, сливающиеся с историческими руинами, и на крепость, построенную во времена сельджуков; снега, который словно рассыпался в безграничном времени. В квартале Юсуф-паши Ка понаблюдал за подростками лицейского возраста, игравшими в футбол на пустой площадке под фонарями, освещавшими соседний угольный склад, рядом с парком, где качели были оборваны, а горки сломаны. Стоя под снегом в бледно-желтом свете фонарей и слушая приглушенные снегом крики и споры детей, он с такой силой почувствовал невероятное безмолвие и удаленность этого уголка мира от всего на свете, что на ум ему пришла мысль о Боге.

В этот первый миг это была скорее картинка, нежели мысль, но она была нечеткой, как рисунок, на который мы бездумно смотрим, когда торопливо проходим по залам музея, а затем пытаемся вспомнить, но никак не можем его себе представить. Гораздо ярче, чем картинка, было ощущение, которое появилось на какой-то миг и исчезло, – и такое происходило с Ка не в первый раз.

Ка вырос в Стамбуле в светской республиканской семье и не получил никакого мусульманского образования, кроме уроков религии в начальной школе. Когда в последние годы у него в голове порой возникали образы, похожие на тот, что появился сейчас, его не охватывало

волнение и он ни разу не испытал поэтического вдохновения, которое увлекло бы его вслед этому видению. Самое большее, в такие моменты у него рождалась оптимистическая мысль о том, что мир – это прекрасное место, достойное того, чтобы его увидеть.

В номере отеля, куда Ка вернулся погреться и немного вздремнуть, он с этим же чувством счастья перелистал книги по истории Карса, привезенные из Стамбула, и эта история, напавшая на него детские сказки, смешалась у него в голове с тем, что он услышал в течение дня.

Когда-то в Карсе жили обеспеченные люди, которые устраивали приемы, длившиеся целые дни, давали балы в своих особняках, отдаленно напоминавших Ка о годах его детства. Сила этих людей зиждилась на том, что Карс находился на торговом пути в Тебриз, на Кавказ, в Грузию и в Тифлис, а также на том, что город был важным рубежом для двух великих империй, Османской и Российской, рухнувших в последнее столетие; чтобы охранять это место среди гор, империи поставили здесь большие армии. В османские времена в этих краях жили люди самых разных национальностей: армяне, тысячу лет назад воздвигшие церкви, часть которых и сейчас стоит во всем своем великолепии; персы, бежавшие от монгольского нашествия и иранских армий; греки, потомки подданных Понтийского царства и Византии; грузины, курды и черкесы из множества племен. После того как в 1878 году крепость, построенная пятьсот лет назад, сдалась русским войскам, часть мусульман была изгнана, однако город оставался богатым и многоликим. В русский период, когда особняки пашей, бани и османские здания, стоявшие в квартале Кале-Ичи, рядом с крепостью, начали ветшать, царские архитекторы возвели в южной долине речки Карс новый город, в котором было пять параллельных проспектов, пересекавших другие улицы под идеально прямым углом, – явление, невиданное ни в одном другом восточном городе. Этот быстро богатевший город, куда приезжал царь Александр III, чтобы встретиться со своей тайной возлюбленной и поохотиться, давал возможность русским двигаться на юг, к Средиземному морю, и захватить торговые пути, так что не удивительно, что на его строительство не пожалели средств. Именно этот Карс, печальный город, улицы которого были вымощены крупной брусчаткой и усажены в республиканский период дикими маслинами и каштанами, очаровал Ка двадцать лет назад – а не деревянный османский город, полностью сгоревший и разрушенный во время войн между народами и племенами.

После нескончаемых войн, произвола, массовой резни и восстаний, когда город оказывался в руках то армянской, то русской, то даже на какое-то время английской армий, после того как на короткий период Карс стал независимым государством, в октябре 1920 года в него вошла турецкая армия под командованием Казыма Карабекира, статуя которого впоследствии установили на привокзальной площади. Турки, сорок три года спустя вновь взявшие Карс и поселившиеся в нем, не стали менять царский план города и культуру, которую принесли в город цари, также постарались усвоить, поскольку она соответствовала республиканскому энтузиазму европеизации, а пять русских проспектов переименовали в честь пятерых известных в истории Карса полководцев, поскольку не знали никого более великого, чем военные.

О тех годах европеизации с гордостью, горячась, рассказывал Ка бывший мэр, член Народной партии Музаффер-бей. В народных домах давались балы, под железным мостом (теперь, как заметил утром Ка, местами проржавевшим и прогнившим) устраивались соревнования по катанию на коньках; приехавших из Анкары сыграть трагедию «Царь Эдип» актеров встречали бурные аплодисменты представителей республикански настроенного среднего класса (хотя со времени войны с Грецией еще не прошло и двадцати лет); богачи, носившие пальто с меховым воротником, выезжали на прогулки в санях, запряженных здоровыми венгерскими скакунами, украшенными розами и звездами; на балах в поддержку футбольной команды, устраивавшихся под акациями в Национальном парке, под аккомпанемент фортепиано, аккордеона и кларнета танцевали самые модные танцы; летом девушки Карса надевали платья с короткими рукавами и совершенно спокойно могли ездить по городу на велосипедах, а юноши, прибегавшие зимой в лицей на коньках, надевали с пиджаками галстук-бабочку,

подобно многим своим сверстникам, восторженным сторонникам республиканского строя. Спустя долгие годы, когда адвокат Музаффер-бей вернулся в Карс в качестве кандидата на пост мэра и в предвыборной горячке вновь захотел надеть бабочку, его товарищи по партии заявили, что из-за этого «щегольства» он потеряет много голосов, но он не послушался.

Между тем, что в Карсе давно уже не бывало длинных суровых зим, и тем, что город ветшал и становился все более бедным и несчастным, словно бы существовала некая связь. Вспомнив прекрасные зимы прошлых лет, бывший мэр рассказал о полуголых напудренных актрисах, приехавших из Анкары и игравших в греческих пьесах, и об одном революционном спектакле, поставленном в конце сороковых в Народном доме молодыми людьми, среди которых был и он сам. «В этом произведении рассказывалось о пробуждении одной нашей девушки, носившей черный чаршаф¹², и о том, как она в конце концов снимает его с головы и сжигает», – сказал он. Поскольку в конце сороковых годов во всем Карсе они никак не могли, как ни старались, найти необходимый для пьесы черный чаршаф, пришлось позвонить в Эрзурум и привезти его оттуда. «А сейчас девушки в чаршафах и платках заполонили улицы Карса, – добавил Музаффер-бей. – Они кончают жизнь самоубийством, потому что из-за этого символа политического ислама на голове не могут попасть на занятия».

Как и всякий раз, когда во время встреч в Карсе речь заходила об усилении политического ислама и девушках в платках, Ка промолчал, не задал возникших у него вопросов и не стал задумываться над тем, почему пылкие молодые люди устроили представление против чаршафа, хотя во всем Карсе в 1940 году не было ни одной женщины в чаршафе. Целый день бродя по улицам города, Ка не обращал внимания на женщин в чаршафах или платках, потому что за одну неделю еще не успел приобрести способность и привычку, свойственную светским интеллигентам: делать политические выводы, исходя из количества женщин с покрытой головой. Собственно говоря, он с самого детства не обращал внимания на улице на таких женщин. В европеизированных кварталах Стамбула, где Ка провел детство, женщина в платке могла быть только жительницей пригорода, например Картала, приехавшей в город, чтобы продать выращенный в своем саду виноград, или женой молочника, или еще кем-нибудь из низших сословий.

О прежних хозяевах отеля «Кар-палас», где остановился Ка, я впоследствии слышал много историй: среди них был и университетский профессор, большой ценитель всего европейского, которого царское правительство вместо Сибири отправило сюда, в более легкую ссылку, и армянин, торговавший крупным рогатым скотом; позже здесь расположился греческий сиротский приют... Кто бы ни был первым хозяином этого здания, возведенного сто десять лет назад, отопление в нем изначально было устроено по тому же принципу, что и в других домах Карса того времени: в стены были встроены печи, четыре стороны которых выходили в четыре разные комнаты и могли обогревать их одновременно. В республиканский период турки так и не научились пользоваться ни одной из этих печей, и первый хозяин-турок, который переделал дом под отель, перед входной дверью во двор разместил огромную печь из латуни, а в комнаты позже провел паровое отопление.

Когда Ка, растянувшись на кровати в пальто, погрузился в свои мысли, в дверь постучали. Это был Джавит, который проводил весь день, сидя у печки и глядя в телевизор. Он сказал, что, когда отдавал ключ, забыл кое-что передать.

– Совсем забыл: вас срочно ждет Сердар-бей, владелец газеты «Серхат шехир».

Они вместе спустились в холл. Ка уже собрался выходить, как вдруг остановился: рядом со стойкой администратора открылась дверь, вошла Ипек, и она была гораздо красивее, чем Ка себе представлял. Он сразу же вспомнил, насколько была красива эта девушка в университетские годы. Внезапно Ка заволновался. Конечно, ведь она была такой красивой. Как

¹² Мусульманский женский головной платок, закрывающий голову и нижнюю часть лица.

полагается европеизированным стамбульским буржуа, они сначала пожали друг другу руки и, немного поколебавшись, обнялись и поцеловались, вытянув шеи, но не приближаясь друг к другу телами.

– Я знала, что ты приедешь, – слегка отодвинувшись, сказала Ипек с удивившей Ка откровенностью. – Танер позвонил и сказал. – Она смотрела прямо ему в глаза.

– Я приехал из-за выборов мэра и девушек-самоубийц.

– Сколько ты здесь пробудешь? – спросила Ипек. – Рядом с отелем «Азия» есть кондитерская «Йени хайят»¹³. Я сейчас занята с отцом. Давай встретимся там в половине второго, посидим и поговорим.

Ка чувствовал, что во всей этой сцене есть что-то странное, потому что она происходит не в Стамбуле, например в Бейоглу¹⁴, а в Карсе. Он не мог понять, в какой степени его волнение вызвано красотой Ипек. Он вышел на улицу и, пройдя некоторое время под снегом, подумал: «Хорошо, что я взял это пальто».

Пока он шел в редакцию, его сердце с поразительной точностью подсказало ему две вещи, которые никогда не признал бы его разум. Первое: Ка приехал из Франкфурта в Стамбул не только для того, чтобы успеть на похороны матери, но и затем, чтобы спустя двенадцать лет одинокой жизни за границей найти девушку-турчанку, на которой ему предстоит жениться. Второе: Ка приехал из Стамбула в Карс, потому что втайне верил в то, что именно Ипек и есть та самая девушка.

Если бы этой второй мыслью с Ка поделился какой-нибудь проницательный друг, Ка никогда не простил бы его и всю оставшуюся жизнь винил бы себя и стыдился того, что это предположение верно. Ка был из моралистов, убедивших себя в том, что самое большое счастье приходит к тому, кто ничего не делает для счастья преднамеренно. К тому же его прекрасная западная образованность никак не увязывалась с намерением искать кого-то, кого он очень мало знает, чтобы жениться. Как бы то ни было, он пришел в редакцию «Серхат шехир», не испытывая беспокойства. Их первая встреча с Ипек оказалась даже теплее, чем он, сам того не замечая, все время представлял себе, пока ехал из Стамбула.

Редакция находилась на проспекте Фаик-бея, через улицу от отеля, и ее общая площадь вместе с типографией была чуть больше, чем у маленького номера Ка. Комната была разделена на две части перегородкой, на которой были развешены портреты Ататюрка, календари, образцы визитных карточек и свадебных приглашений, фотографии приезжавших в Карс видных государственных деятелей и известных турок, сделанные Сердар-беем, а также заключенная в рамку фотография первого номера газеты, вышедшего сорок лет назад. Позади с приятным шумом работала электрическая педальная типографская машина, сто десять лет назад сделанная в Лейпциге фирмой «Бауманн». Проработав в Гамбурге четверть века, она была продана в Стамбул в 1910 году, в период свободы печати, наступивший после младотурецкой революции. После сорока пяти лет работы в Стамбуле она была уже готова отправиться в металлолом, но вместо этого покойный отец Сердар-бея привез ее в 1955 году на поезде в Карс. Двухлетний сын Сердар-бея, поглотив палец правой руки, скармливал машине чистую бумагу, а левой рукой ловко собирал листы отпечатанной газеты (сборник для бумаги был сломан одиннадцать лет назад во время ссоры с братом), но все же смог улучшить мгновение, чтобы поприветствовать Ка. Второй сын, который, как и его брат, был похож не на отца, а на свою низкорослую, полную, круглолицую и узкоглазую мать, образ которой всплыл в памяти Ка, сидел за черным от краски станком перед бесчисленными маленькими ящичками с сотней отделений, среди болванок, клише, свинцовых букв разных размеров и с терпением кал-

¹³ «Новая жизнь».

¹⁴ Район Стамбула.

лиграфа, отвергнувшего мирские соблазны, старательно, вручную, набирал рекламу для газеты, которая должна была выйти через три дня.

– Вы видите, в каких условиях борется за существование пресса Восточной Анатолии, – сказал Сердар-бей.

В это время отключили электричество. Когда типографская машина остановилась и комната погрузилась в волшебную темноту, Ка увидел, как прекрасна белизна падающего за окном снега.

– Сколько экземпляров получилось? – спросил Сердар-бей. Он зажег свечку и усадил Ка на стул неподалеку от двери.

– Сто шестьдесят, папа.

– Когда дадут свет, сделай триста сорок, сегодня у нас гости-актеры.

Газета «Серхат шехир» в Карсе продавалась только в одном месте, напротив Национального театра, в магазинчике, куда за день заходили ее купить не более двадцати человек, однако, как с гордостью говорил Сердар-бей, благодаря подписчикам общий тираж составлял триста экземпляров. Две сотни из этих подписчиков были предприятия и государственные организации Карса, их время от времени Сердар-бей вынужден был хвалить за успехи. Оставшиеся восемьдесят были теми «порядочными и важными» людьми, к словам которых прислушиваются в государстве и которые, уехав из Карса, поселились в Стамбуле, но не порывали связь с родным городом.

Дали свет, и Ка увидел, что на лбу Сердар-бея от гнева вздулся сосуд.

– После того как вы от нас ушли, вы встречались с неправильными людьми и получили неверные сведения о нашем приграничном городе, – сказал Сердар-бей.

– Откуда вы знаете, куда я ходил? – спросил Ка.

– За вами, разумеется, следила полиция, – ответил журналист. – А мы по профессиональной необходимости слушаем разговоры полицейских по рации. Девяносто процентов новостей, которые выходят в нашей газете, нам предоставляет губернская администрация и Управление безопасности. Все управление знает, о чем вы всех спрашивали: почему Карс бедный и отсталый, почему девушки покончили с собой.

Ка слышал довольно много объяснений тому, почему Карс так обеднел. Сокращение торговли с Советским Союзом в годы холодной войны, закрытие пропускных пунктов на границе, банды коммунистов, правившие в 1970-х годах в городе, угрожавшие богатым и похищавшие их, отъезд всех, кто скопил хотя бы небольшой капитал, в Стамбул и Анкару, нескончаемые конфликты Турции и Армении... Еще говорили, что о Карсе забыли и государство, и Аллах.

– Я решил рассказать вам, как все обстоит на самом деле, – сказал Сердар-бей.

Ка сразу понял – с отчетливостью и надеждой, которых не чувствовал уже много лет, – что подлинной темой разговора будет стыд. В течение многих лет, прожитых в Германии, и для него самого эта тема была главной, однако он скрывал от самого себя, что чего-то стыдится. Теперь же, благодаря тому, что у него появилась надежда на счастье, он мог признаться себе в этом.

– Раньше мы здесь все были братьями, – сказал Сердар-бей так, словно открывал какую-то тайну. – Но в последние годы каждый стал говорить: «Я – азербайджанец», «Я – курд», «Я – туркмен». Конечно же, здесь есть люди всех национальностей. Туркмены-кочевники, мы их еще называем «кара-папаки», – братья азербайджанцев. Курды – мы их называем «племенем», раньше никто не знал о том, что есть курды. Из тех местных, что жили здесь со времен Османской империи, никто не гордился тем, что он местный. Туркмены, кыпчаки с лазами и татарами из Ардахана, немцы, сосланные царем из России, – все жили, и никто не гордился тем, что он тот, кто есть. Это высокомерие нам внушило ереванское и бакинское коммунистическое радио, чтобы разделить и разрушить Турцию. Сейчас все стали бедными и горделивыми.

Решив, что Ка уже находится под впечатлением от услышанного, Сердар-бей перевел разговор на другую тему:

– Сторонники введения религиозных порядков ходят от двери к двери, целой компанией приходят к вам в дом, раздают женщинам кухонную утварь, посуду, соковыжималки для апельсинов, мыло коробками, крупу, стиральный порошок, сразу завязывают дружбу с жителями бедных кварталов, прикалывают булавками на плечи детям золотые кружочки. «Отдайте ваш голос за Партию благоденствия, которую называют Партией Аллаха, – говорят они, – наша бедность и нищета из-за того, что мы свернули с пути Аллаха». С мужчинами разговаривают мужчины, с женщинами – женщины. Они завоевывают доверие озлобленных, униженных безработных, они радуют их жен, которые не знают, что сварить в кастрюле на ужин, а затем, пообещав новые подарки, заставляют поклясться голосовать за них. Они завоевывают уважение не только самых бедных, которых унижают с утра до вечера, но и студентов, в чьи желудки только раз в день попадает порция горячего супа, рабочих и даже мелких торговцев, потому что они самые трудолюбивые, честные и скромные.

Владелец газеты «Серхат шехир» сказал, что прежнего мэра ненавидели не за то, что ему взбрело в голову убрать с улиц старые извозчицьи фаэтоны, потому что они «несовременны» (поскольку его убили, дело было сделано только наполовину), а из-за беспутства и взятков. Но ни одна из правых или левых светских партий, разобщенных старой кровной враждой и этническими противоречиями и ослабленных ожесточенным соперничеством, так и не смогла выдвинуть достойного кандидата на пост мэра.

– Люди верят только в порядочность кандидата от Партии Аллаха, – сказал Сердар-бей. – А это Мухтар-бей, бывший муж Ипек-ханым, дочери хозяина вашего отеля. Он не очень умен, но он курд. А курдов здесь – сорок процентов населения. Выборы выиграет Партия Аллаха.

Все усиливающийся снег вновь пробудил в Ка чувство одиночества, сопровождаемое страхом, что той части общества, в которой он воспитывался и рос в Стамбуле, и вообще европейскому образу жизни в Турции пришел конец. В Стамбуле он увидел, что улицы, где он провел детство, разрушены, старые красивые дома начала века, в которых жили некоторые его друзья, снесены, деревья его детства засохли и срублены, а кинотеатры за последние десять лет закрылись и один за другим были переделаны в тесные и мрачные магазины одежды. Это означало конец не только мира его детства, но и конец его мечте о том, что однажды он снова будет жить в Стамбуле. Он подумал о том, что если в Турции утвердится шариатская власть, то его сестра даже не сможет выйти на улицу, не покрыв головы. Глядя на огромные снежинки, медленно, словно в сказке, падающие в неоновом свете, льющемся из окон редакции «Серхат шехир», Ка представил, что он вернулся во Франкфурт с Ипек. Они вместе делают покупки в «Кауфхофе», где он приобрел это пепельно-серое пальто, в которое сейчас так плотно кутается, только на втором этаже, там, где продают женскую обувь.

– Это часть международного исламистского движения, которое хочет уподобить Турцию Ирану.

– И девушки-самоубийцы тоже? – спросил Ка.

– Мы получаем сведения о том, что девушек, к сожалению, убеждали совершать самоубийства, но мы об этом не пишем, понимая свою ответственность, поскольку это может еще сильнее повлиять на девушек и самоубийств станет еще больше. Говорят, что в нашем городе находится известный исламский террорист Ладживерт¹⁵, желающий вразумить девушек в платках, девушек-самоубийц.

– Разве исламисты не противники самоубийств?

Сердар-бей ничего не ответил. Типографская машина остановилась, в комнате стало тихо, и Ка посмотрел на нереальный снег, падающий за окном. Действенным средством про-

¹⁵ Дословно: светло-синий, лазоревый.

тив усиливающегося беспокойства и страха из-за предстоящей встречи с Ипек было бы озаботиться бедами Карса. Но сейчас Ка, думая уже только об Ипек, хотел подготовиться к встрече, потому что было уже двадцать минут второго.

Сердар-бей, словно вручая старательно заготовленный подарок, разложил перед Ка первую полосу свежепечатанной газеты, которую принес его рослый старший сын. Глаза Ка, за многие годы привыкшие искать и находить в литературных журналах его имя, сразу остановились на заметке в углу страницы:

НАШ ИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ КА В КАРСЕ

Известный во всей Турции поэт КА вчера приехал в наш приграничный город. Наш молодой поэт, обладатель премии Бехчета Неджатиоглу, завоевавший одобрение всей страны своими книгами «Зола и мандарины» и «Вечерние газеты», будет следить за ходом выборов от имени газеты «Джумхуриет». Поэт КА уже много лет изучает западную поэзию в немецком городе Франкфурте.

– Мое имя неправильно набрали, – сказал Ка. – «А» должна быть маленькой. – Сказав это, он сразу раскаялся. – Хорошо получилось, – сказал он, чувствуя себя в долгу.

– Мастер, мы искали вас потому, что не были уверены, правильно ли написали ваше имя, – ответил Сердар-бей. – Сынок, смотри, сынок, вы неправильно набрали имя нашего поэта, – совершенно безмятежным голосом сделал он выговор своим сыновьям. Ка почувствовал, что эту ошибку в наборе Сердар-бей замечает не в первый раз. – Немедленно исправьте...

– Зачем? – спросил Ка. На этот раз он увидел свое имя правильно набранным в последней строчке самой большой новостной заметки:

ТРИУМФ ТРУППЫ СУНАЯ ЗАИМА В НАЦИОНАЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Вчера вечером в Национальном театре выступила труппа Суная Заима, пользующаяся во всей Турции известностью благодаря своим спектаклям в народном, кемалистском и просветительском духе. Представление, которое продолжалось до полуночи и на котором присутствовали заместитель губернатора, и. о. мэра и другие известные люди Карса, было встречено с большим интересом и воодушевлением. Спектакль то и дело прерывался бурными овациями и аплодисментами. Жители Карса, уже давно изголодавшиеся по такому искусству, до отказа заполнили Национальный театр, а также имели возможность посмотреть пьесу и у себя дома, потому что телевизионный канал «Серхат»¹⁶, устроив первую за свою двухлетнюю историю прямую трансляцию, преподнес это великолепное зрелище всем жителям Карса. Таким образом, телевизионный канал «Серхат» впервые провел прямую нестудийную трансляцию. Поскольку у канала еще нет аппаратуры для таких трансляций, из студии на проспекте Халит-паши до камеры, установленной в Национальном театре, протянули кабель длиной в две улицы. Чтобы снег не повредил кабель, сознательные жители Карса разрешили провести его через свои дома. (Например, семья нашего зубного врача

¹⁶ «Граница».

Фадыл-бей приняла шнур через окно балкона и протянула до внутреннего сада.) Жители Карса хотят, чтобы эту удачную прямую трансляцию повторили при следующем удобном случае. Представители телевизионного канала «Серхат» сообщили, что благодаря этой первой прямой трансляции, проведенной вне студии, все предприятия Карса смогли разместить свою рекламу в эфире. Во время представления, которое смотрел весь наш приграничный город, были разыграны пьесы, написанные в кемалистском духе, самые прекрасные отрывки из театральных произведений, являющихся плодом западной просвещенности, и сценки, критикующие рекламу, которая разъедает нашу культуру; со сцены прозвучал рассказ о приключениях знаменитого вратаря национальной сборной Вурала и стихи о родине и об Ататюрке, а известный поэт Ка, посетивший наш город, лично прочитал свое последнее стихотворение «Снег». Помимо всего прочего, зрители увидели просветительский шедевр первых лет республики «Родина или чаршаф», в новой трактовке получивший название «Родина или платок».

– У меня нет стихотворения под названием «Снег», а вечером я не пойду в театр. Ваша статья выйдет с ошибкой.

– Не будьте так уверены в этом. Уже не раз бывало так, что люди, смеявшиеся над нами за то, что мы сообщаем о событиях, которые еще не произошли, и думавшие, что то, что мы делаем, это не журналистика, а предсказания, не могли скрыть своего изумления, когда события развивались в точности так, как мы написали. Очень много событий произошло только потому, что мы заранее о них написали. Это современная журналистика. А вы, я уверен, чтобы не отнимать у нас наше право быть в Карсе современными и чтобы не огорчать нас, сначала напишете стихотворение «Снег», а затем пойдете и прочтете его.

Среди объявлений о предвыборных митингах, новостей о том, что в лицах стали применять вакцину, привезенную из Эрзурума, и о том, что жителям Карса предоставлена очередная льгота в виде двухмесячной отсрочки задолженности за воду, Ка прочитал еще одну заметку, на которую сначала не обратил внимания.

СНЕГ ПЕРЕРЕЗАЛ ДОРОГИ

Не прекращающийся уже два дня снег перерезал сообщение нашего города со всем миром. Вчера утром была перекрыта дорога на Ардахан, а в полдень занесло и дорогу на Сарыкамыш. Автобус компании «Йылмаз», следовавший в Эрзурум, вернулся обратно в Карс, поскольку по причине сильного обледенения и снежных заносов часть пути оказалась закрытой для транспортного сообщения. Метеослужба сообщает, что холода, пришедшие из Сибири, и крупный снег не прекратятся еще три дня. Карс три дня будет жить собственными ресурсами, как это было в прошлые зимы. Это удобный момент для нас, чтобы навести порядок в наших делах.

Ка уже встал и собирался выходить, когда Сердар-бей вскочил и придержал дверь, чтобы Ка выслушал его последние слова.

– Кто знает, что расскажут вам Тургут-бей и его дочери, – сказал он. – Они сердечные люди, с которыми мы дружески общаемся по вечерам, но не забывайте: бывший муж Ипекханым – кандидат на пост мэра от Партии Аллаха. А ее сестра Кадифе¹⁷, которую они с отцом привезли сюда учиться, говорят, самая фанатичная из всех девушек, которые носят платок. А

¹⁷ Дословно: бархат.

ведь их отец – старый коммунист! До сих пор никто в Карсе не может понять, почему четыре года назад, в самые тяжелые для Карса дни, они приехали сюда.

Хотя Ка за один миг услышал много такого, что вполне могло лишить его покоя, он не подал виду.

4

Ты и в самом деле приехал изза выборов и самоубийств?

Ка и Ипек в кондитерской «Йени хайят»

Почему на губах Ка была улыбка, пусть и почти неуловимая, когда он шел под снегом с проспекта Фаик-бея в кондитерскую «Йени хайят», несмотря на плохие новости, которые он узнал? Ему слышалась «Роберта» Пеппино ди Капри, он казался себе романтичным и печальным героем Тургенева, который идет на встречу с женщиной, образ которой рисовал себе много лет. Ка любил Тургенева, с тоской и любовью мечтавшего в Европе о своей стране, которую, презирая, покинул, устав от ее нескончаемых проблем и первобытной дикости, он любил его изящные романы, но скажем правду: он не рисовал себе образ Ипек в течение многих лет, как герои Тургенева. Он только представлял себе женщину, похожую на Ипек, возможно иногда вспоминая и ее саму. Но как только он узнал, что Ипек рассталась с мужем, он начал думать о ней, а сейчас, когда ему хотелось установить с Ипек глубокие и серьезные отношения, он старался восполнить музыкой, игравшей в его голове, и романтизмом Тургенева то упущение, что в свое время он не так часто думал о ней, как следовало бы.

Однако, как только он пришел в кондитерскую и сел за один столик с Ипек, он утратил весь свой тургеневский романтизм. Она была красивее, чем показалось ему в отеле, и красивее, чем выглядела в университетские годы. Ее подлинная красота, слегка подкрашенные губы, бледный цвет кожи, блеск глаз и сразу же располагающая к себе искренность взволновали Ка. В какой-то момент Ипек показалась ему настолько открытой, что Ка испугался, что сам он не сможет вести себя естественно. Больше, чем этого, он боялся в жизни только одного – писать плохие стихи.

– По дороге я видела рабочих, которые протягивали кабель для прямой трансляции из телестудии в Национальный театр, словно веревку для белья, – оживленно заговорила она. При этом она не улыбнулась, потому что не хотела, чтобы казалось, будто она презирает недостатки провинциальной жизни.

Некоторое время они, словно малознакомые люди, желающие лучше узнать друг друга, искали общие темы, на которые можно было бы спокойно поговорить. Когда одна тема была исчерпана, Ипек, улыбаясь, легко находила новую. Сыпавший снег, бедность Карса, пальто Ка, то, что они оба очень мало изменились, неудачные попытки бросить курить, люди, которых Ка видел в Стамбуле, таком далеком для обоих... У них умерли матери, и то, что обе они были похоронены в Стамбуле на кладбище Ферикей, тоже, как им и хотелось, сближало их. С легкостью, похожей на ту, что на недолгое время возникает у мужчины и женщины, которые, узнав, что у них один и тот же знак Зодиака, чувствуют – пусть это чувство и ложно – некое родство душ, они говорили о месте матерей в их жизни (коротко), о причинах сноса старого вокзала в Карсе (немного дольше); о том, что на месте кондитерской, в которой они встретились, до 1967 года была православная церковь и что дверь разрушенной церкви сохранили в музее; об особом зале этого музея, посвященном армянским погромам (некоторые туристы ожидают, что экспозиция рассказывает об армянах, убитых турками, а затем понимают, что все наоборот); о единственном официанте кондитерской, наполовину глухом и похожем на призрак; о том, что в чайных Карса не подают кофе, потому что он дорог для безработных и они его не пьют; о политических взглядах журналиста, который сопровождал Ка, и настроениях других местных

газет (все они поддерживали военных и существующее правительство); о завтрашнем номере «Серхат шехир», который Ка вытащил из кармана.

Когда Ипек начала внимательно читать первую полосу газеты, Ка испугался, что для нее, точно так же как и для его старых друзей в Стамбуле, единственная реальность – несчастный, убогий политический мир Турции, что она и на минуту не может представить себе жизнь в Германии. Он долго смотрел на маленькие руки Ипек, на ее изящное лицо, продолжая дивиться ее красоте.

– Тебя по какой статье осудили, на сколько лет? – спросила через некоторое время Ипек, ласково улыбаясь.

Ка сказал. Ближе к концу семидесятых в маленьких политических газетах Турции могли писать о чем угодно, и всех за это судили, и все гордились тем, что их судили по этой статье Уголовного кодекса, но в тюрьму никто не попадал, потому что полиция действовала нерешительно и не могла найти переводчиков, писателей и редакторов, постоянно менявших адреса. Спустя некоторое время, когда произошел военный переворот, тех, кто скрывался, стали потихоньку ловить, и Ка, осужденный за политическую статью, которую он писал не сам, но которую, не читая, опубликовал, бежал в Германию.

– Тебе было трудно в Германии? – спросила Ипек.

– Меня спасло то, что я не смог выучить немецкий, – ответил Ка. – Мое существо сопротивлялось немецкому, и в конце концов я сберег свою душу и чистоту мыслей.

Боясь показаться смешным из-за того, что внезапно рассказал обо всем, но счастливый тем, что Ипек его слушает, Ка поведал ей до тех пор никому не рассказывавшуюся историю молчания, в котором он похоронил себя, историю о том, что он уже четыре года не мог писать стихи.

– По вечерам в маленькой квартире, которую я снимаю недалеко от вокзала, с единственным окном, из которого открывается вид на крыши Франкфурта, я в безмолвии вспоминал счастливое время, оставшееся позади, и это заставляло меня писать стихи. Спустя какое-то время меня стали приглашать почитать стихи турецкие эмигранты, узнавшие, что в Турции я был немного известен как поэт, муниципалитеты, библиотеки и третьеразрядные школы, желавшие привлечь турок, и турецкие общины, хотевшие, чтобы дети познакомились с поэтом, пишущим по-турецки.

Ка садился во Франкфурте на один из немецких поездов, постоянно поражавших его точностью расписания и порядком, и, проезжая мимо изящных колоколен отдаленных городков, мимо темноты в сердце буковых рощ и мимо здоровых детей, возвращающихся домой со школьными рюкзаками на спине, сквозь затуманенные окна ощущал все то же безмолвие, чувствовал себя как дома, поскольку совсем не понимал языка этой страны, и писал стихи. Если он не ехал в другой город читать стихи, тогда он каждое утро выходил из дому в восемь и, пройдя по Кайзерштрассе, шел в муниципальную библиотеку на проспекте Цайля и читал. «Там было столько английских книг, что мне хватило бы на двадцать жизней». Подобно детям, которые знают, что смерть еще очень далеко, он спокойно читал все, что ему хотелось: романы девятнадцатого века, которые обожал, английских поэтов-романтиков, книги по истории инженерного дела, музейные каталоги. Сидя в муниципальной библиотеке, он переворачивал страницы, заглядывал в старые энциклопедии, задерживался на какое-то время на иллюстрациях, вновь перечитывал романы Тургенева и, несмотря на то что слышал шум города, внутри себя ощущал то же безмолвие, что и в поезде. И когда по вечерам, изменив маршрут, он брел вдоль реки Майн мимо Еврейского музея и когда по выходным бродил из одного конца города в другой, все то же безмолвие сопровождало его.

– Через некоторое время оно стало занимать в моей жизни так много места, что я перестал слышать беспокоящий шум, с которым мне нужно было бороться, чтобы писать стихи, – сказал Ка. – С немцами я вообще не разговаривал. А отношения с турками, которые считали

меня и умником, и интеллектуалом, и полусумасшедшим, у меня уже были не очень хорошими. Я ни с кем не встречался, ни с кем не разговаривал и стихи тоже не писал.

– Но в газете пишут, что сегодня вечером ты прочитаешь свое самое последнее стихотворение.

– У меня нет самого последнего стихотворения, так что не прочитаю.

В кондитерской, кроме них, было еще двое. За столиком у противоположной стены, рядом с окном, в полумраке сидели невзрачный молодой человек и терпеливо пытающийся ему что-то объяснить мужчина средних лет, худощавый и усталый. В огромном окне у них за спиной были видны летящие в темноту хлопья снега, на которые падал розоватый свет от неоновых букв вывески кондитерской, и на этом фоне два погруженных в разговор человека в противоположном углу казались частью скверного черно-белого фильма.

– Моя сестра Кадифе неудачно сдала экзамены в университете за первый год, – сказала Ипек. – На второй год она выдержала экзамены в здешний педагогический институт. Худой человек, сидящий вон там, за моей спиной, в самом углу, – директор института. Отец очень любит мою сестру. После гибели матери в автомобильной аварии он остался один и решил приехать сюда, к нам. Это было три года назад. Вскоре я рассталась с Мухтаром. Мы стали жить все вместе. Здание отеля, наполненное призраками и вздохами умерших, принадлежит нам совместно с родственниками. В трех комнатах живем мы.

В годы активной деятельности левых организаций, студентами, Ка и Ипек не были близко знакомы. Правда, Ка, как и многие другие, сразу обратил внимание на семнадцатилетнюю красавицу в коридорах факультета литературы, где такие высокие потолки. На следующий год он знал Ипек уже как жену Мухтара, своего друга-поэта, с которым они состояли в одной ячейке; тот, как и Ипек, был родом из Карса.

– Мухтар унаследовал от своего отца семейное дело, торговлю продукцией компаний «Арчелик» и «Айгаз», – сказала Ипек. – За все эти годы, после того как мы вернулись сюда, у нас так и не появилось детей. Он начал возить меня к врачам в Стамбул, в Эрзурум, и расстались мы потому, что детей не было. Но Мухтар, вместо того чтобы снова жениться, посвятил себя религии.

– Почему все посвящают себя религии? – спросил Ка.

Ипек не ответила, и какое-то время они смотрели черно-белый телевизор на стене.

– Почему в этом городе все совершают самоубийства? – спросил Ка.

– Не все, а молодые девушки и женщины, – ответила Ипек. – Мужчины посвящают себя религии, а женщины кончают с собой.

– Почему?

Ипек посмотрела на него так, что Ка почувствовал, что в его вопросе, заставившем ее торопливо искать ответ, было нечто неуважительное и бесцеремонное. Они немного помолчали.

– Я должен встретиться с Мухтаром, чтобы взять у него интервью о выборах, – сказал Ка.

Ипек сразу встала и, подойдя к кассе, позвонила по телефону.

– Он тебя ждет, – сказала она, вернувшись и усаживаясь. – До пяти часов в областном отделении партии.

Наступила пауза, и Ка заволновался. Если бы дороги не были засыпаны снегом, он бежал бы отсюда первым же автобусом. Ка чувствовал глубокую жалость к городу, его вечерам и забытым людям. Он невольно перевел взгляд за окно, и они оба долгое время смотрели на падавший снег, как люди, у которых достаточно времени, чтобы не обращать внимания на течение жизни. Ка чувствовал себя беспомощным.

– Ты и в самом деле приехал из-за выборов и самоубийств? – спросила Ипек.

– Нет, – ответил Ка. – Я узнал в Стамбуле, что ты развелась с Мухтаром. Я приехал сюда, чтобы на тебе жениться.

Сначала Ипек засмеялась, приняв это за милую шутку, но потом густо покраснела. После долгой паузы он почувствовал по глазам Ипек, что она видит его насквозь. «У тебя даже нет терпения, чтобы хоть ненадолго скрыть свое намерение, как-то подружиться со мной, поухаживать, – говорили глаза Ипек. – Ты приехал сюда не потому, что любишь меня и думаешь обо мне, а потому, что узнал, что я развелась, а ты помнишь мою красоту и считаешь, что я нахожусь в трудном положении из-за того, что живу в Карсе».

Твердо решив наказать себя за бессовестное желание счастья, из-за которого его уже мучил стыд, Ка представил и другую безжалостную мысль Ипек о них обоих: «Нас объединяет то, что наши ожидания и мечты не сбылись». Но Ипек ответила совершенно не так, как ожидал Ка.

– Я всегда верила, что ты будешь хорошим поэтом. У тебя отличные книги, поздравляю.

Как и во всех чайных, закусочных и отелях Карса, здесь на стенах тоже висели виды не окрестных гор, которыми местные жители очень гордились, а Швейцарских Альп. Пожилой официант, который недавно принес чай, сидел в окружении блюд с шоколадом и пирожками, сверкавшими маслом и позолоченной бумагой в тусклом свете ламп, рядом с кассой, лицом к Ка и Ипек, спиной к другим столам, и с довольным видом смотрел черно-белый телевизор на стене. Ка, готовый смотреть куда угодно, кроме глаз Ипек, сосредоточился на фильме. В фильме турецкая актриса, блондинка в бикини, убегала по песчаному берегу, а двое усатых мужчин ее ловили. Между тем в полумраке у противоположной стены маленький человек поднялся с места и, направив пистолет на директора педагогического института, начал говорить что-то, что Ка не мог расслышать. Потом Ка понял, что, когда директор начал отвечать, тот выстрелил. Он понял это не по звуку выстрела, который слышал неотчетливо, а потому, что увидел, как от удара вонзившейся в тело пули директор упал со стула.

Ипек повернулась и тоже наблюдала сцену, за которой следил Ка.

Официанта на том месте, где только что видел его Ка, уже не было. Маленький человек вышел из-за столика и направил пистолет на директора, лежавшего на полу. Тот что-то ему говорил. Из-за того, что у телевизора был включен звук, разобрать его слова было невозможно. Маленький человек выстрелил в директора еще три раза и мгновенно исчез, выйдя в дверь, находившуюся за его спиной. Ка так и не увидел его лица.

– Пойдем, – сказала Ипек. – Не надо оставаться здесь.

– Ловите! – закричал Ка осипшим голосом. Потом сказал: – Давай позвоним в полицию, – но не мог сдвинуться с места. И сразу же после этого побежал за Ипек.

В двустворчатых дверях кондитерской «Новая жизнь» и на лестнице, по которой они быстро спустились, никого не было.

В один миг они оказались на покрытой снегом мостовой и пошли очень быстро. Ка думал: «Никто не видел, как мы оттуда вышли», это его успокаивало, потому что он чувствовал себя так, будто сам совершил преступление. Его намерение жениться, в котором он теперь раскаивался, и стыд оттого, что сказал об этом, словно навлекли на него заслуженное наказание. Теперь ему не хотелось никого видеть.

Когда они дошли до угла проспекта Казыма Карабекира, Ка уже начал много чего бояться, но в то же время чувствовал счастье от молчаливой близости, возникшей между ним и Ипек оттого, что теперь у них была общая тайна. Когда в свете простой электрической лампы, освещавшей ящики с апельсинами и яблоками у дверей делового центра «Халит-паша» и отражавшейся в зеркале соседней парикмахерской, Ка увидел на глазах у Ипек слезы, его охватила тревога.

– Директор педагогического института не пускал на уроки студенток в платках, – проговорила она. – Поэтому его, бедного, и убили.

– Давай сообщим в полицию, – сказал Ка, вспомнив, что когда-то левые ненавидели эти слова.

– Они всё поймут и так. А может быть, они уже даже сейчас всё знают. Областное отделение Партии благоденствия наверху, на втором этаже. – Ипек показала на вход в деловой центр. – Расскажи о том, что видел, Мухтару, чтобы он не удивлялся, когда к нему придут из НРУ¹⁸. И вот еще что: Мухтар хочет опять на мне жениться, не забудь об этом, когда будешь с ним разговаривать.

¹⁸ Национальное разведывательное управление.

5

Учитель, можно я спрошу?*Первый и последний разговор между убийцей и убитым*

На теле директора педагогического института, в грудь и голову которому выстрелил невзрачный человек, пока Ка и Ипек обменивались взглядами, был толстым пластырем укреплен потайной диктофон. Приклеили туда этот импортный прибор марки «Грюндиг» бдительные сотрудники Карсского отделения Национального разведывательного управления. Прямые угрозы, которые директор получал в последнее время из-за того, что не пускал девушек в платках в институт и на занятия, а также информация, полученная из религиозных кругов в Карсе агентами НРУ, вынуждали принять защитные меры, но директор, хотя и не был религиозен, верил в судьбу не меньше любого набожного правоверного и посчитал, что лучше обойтись без медведеподобных охранников, а вместо этого записывать на пленку угрожавших ему и затем их арестовывать – так будет убедительнее. Увидев, что в кондитерской «Йени хайят», куда он случайно зашел поесть сладких лепешек с грецкими орехами, которые очень любил, к нему приближается какой-то незнакомец, он включил диктофон, как делал это всегда в подобных случаях. Я получил от его вдовы, все еще скорбящей по нему спустя многие годы, и от его дочери, ставшей известной манекенщицей, запись разговора на ничуть не пострадавшей пленке, извлеченной из диктофона, который, хотя в него и попали две пули, не смог спасти жизнь директору.

«Здравствуйте, учитель, вы меня узнали?» / «Нет, не припоминаю». / «Я тоже так думаю, учитель, потому что мы совсем не знакомы. Я пытался встретиться с вами вчера вечером и сегодня утром. Вчера полиция завернула меня от дверей института. Сегодня утром войти-то мне удалось, но к вам меня не пустила ваша секретарша. Я решил подойти к вам в дверях перед тем, как вы пойдете в аудиторию. Тогда вы меня видели. Помните, учитель?» / «Не помню». / «Вы не можете вспомнить, видели ли вы меня?» / «О чем вы хотели поговорить со мной?» / «Да обо всем. Мне хотелось бы говорить с вами часами, а то и несколько дней подряд. Вы очень уважаемый, образованный, просвещенный человек, вы профессор, специалист по сельскому хозяйству. Мы, к сожалению, люди не ученые. Но есть тема, по которой я немало прочел. На эту тему и хочу с вами поговорить. Учитель, простите, я не отнимаю у вас время, нет?» / «Ну что вы!» / «Простите, вы не позволите мне сесть? Эта тема требует обстоятельного разговора». / «Пожалуйста, прошу вас». (Слышно, как выдвигают стулья и садятся.) / «Вы едите лепешку с грецкими орехами, учитель. У нас в Токате растут очень большие ореховые деревья. Вы не были в Токате?» / «Сожалею, не бывал». / «Мне очень жаль, учитель. Если приедете, пожалуйста, остановитесь у меня. Всю свою жизнь, все свои тридцать шесть лет я прожил в Токате. Токат очень красив. Турция тоже очень красивая. (Пауза.) Но как жаль, что мы не знаем свою страну, не любим наших людей. И даже считается достоинством предавать, не уважать эту страну, эту нацию. Учитель, простите, можно я спрошу, вы ведь не атеист?» / «Нет». / «Так говорят, но я не допускал, чтобы такой образованный человек, как вы, мог отрицать – боже упаси – Аллаха. Не надо говорить, но вы ведь не еврей, не так ли?» / «Нет». / «Вы мусульманин?» / «Мусульманин, хвала Аллаху!» / «Учитель, вы смеетесь, но тогда, пожалуйста, серьезно ответьте вот на этот мой вопрос. Потому что для того, чтобы получить от вас ответ на этот вопрос, я зимой, под снегом, приехал сюда из Токата». / «Откуда вы слышали обо мне в Токате?» / «Учитель, стамбульские газеты не пишут о том, как вы не пускаете на учебу наших девушек, преданных Его религии и Его книге и покрывающих свою голову. Они заняты

скандальными историями о стамбульских манекенщицах. Но в нашем прекрасном Токате есть мусульманское радио „Флаг“, оно рассказывает о том, где в нашей стране притесняют правых». / «Я не притесняю правых, я тоже боюсь Аллаха». / «Учитель, я уже два дня в пути сквозь снег и ураган; в автобусе я все время думал о вас и, поверьте, очень хорошо знал, что вы скажете: „Я боюсь Аллаха!“ Тогда я все время представлял себе, что задам вам этот вопрос. Если вы боитесь Аллаха, уважаемый профессор Нури Йылмаз, и если вы, уважаемый учитель, верите, что Священный Коран – это слово Аллаха, тогда ну-ка скажите мне, что вы думаете о величии прекрасного тридцать первого аята суры „Нур“?»¹⁹ / «Да, в этом аяте очень ясно указывается, что женщины должны покрывать голову и даже скрывать свое лицо». / «Вы очень хорошо и правильно сказали, молодец, учитель! Тогда можно задать еще один вопрос? Как вы сочетаете это повеление Аллаха с тем, что не пускаете наших девушек на учебу?» / «Это приказ нашего светского государства: не пускать девушек с покрытой головой в аудитории и даже в учебные заведения». / «Учитель, простите, можно задать вопрос? Что важнее: приказ государства или приказ Аллаха?» / «Хороший вопрос. Но в светском государстве это вещи, друг с другом не связанные». / «Вы очень правильно сказали, учитель, хочу поцеловать вашу руку. Не бойтесь, учитель, дайте, дайте, посмотрите, я много раз поцелую вашу руку. Спасибо. Видите, как я вас уважаю? А сейчас, учитель, пожалуйста, разрешите мне задать еще один вопрос». / «Пожалуйста, прошу вас». / «Учитель, хорошо, значит, светскость означает безбожие?» / «Нет». / «Тогда почему под предлогом светскости наших девушек-мусульманок, выполняющих то, что предписывает им религия, не пускают на занятия?» / «Сынок, ей-богу, споры об этих вопросах ни к чему не приведут. Целыми днями на стамбульских телеканалах об этом говорят, и что? Ни девушки не снимают платки, ни государство их в таком виде на занятия не пускает». / «Хорошо, учитель, можно задать еще вопрос? Великодушно меня простите, но, когда девушек, которые покрывают себе голову, этих наших трудолюбивых, благовоспитанных, послушных, с таким трудом выращенных девушек, лишают права на образование, разве это соответствует нашей конституции, свободе образования и религии? Учитель, скажите, пожалуйста, ваша совесть не протестует?» / «Если эти девушки такие послушные, то они и голову откроют. Сынок, как тебя зовут, где ты живешь, чем занимаешься?» / «Учитель, я работаю заварщиком чая в чайной „Шенлер“, прямо по соседству с известной баней „Перване“ в Токате. Там я отвечаю за печи, за чайники. Как зовут меня – не важно. И я весь день слушаю радио „Флаг“. Иногда я запоминаю рассказы о несправедливости, причиненной мусульманам, и, учитель, поскольку я живу в демократическом государстве и поскольку я свободный человек, который поступает, как ему хочется, я сажусь в автобус и, где бы в Турции это ни случилось, еду туда к человеку, о котором я слышал, и, глядя ему в глаза, спрашиваю об этой несправедливости. Поэтому, пожалуйста, ответьте на мой вопрос, учитель. Что важнее – приказ государства или приказ Бога?» / «Споры об этом ни к чему не приведут. В каком отеле ты остановился?» / «Донесете в полицию? Не бойтесь меня, учитель. Я не состою ни в какой религиозной организации. Я ненавижу терроризм и верую в борьбу мыслей и любовь Аллаха. И поэтому хотя я и нервный, но после идейных сражений я и пальцем никого не трону. Я только хочу, чтобы вы ответили на такой вот вопрос. Учитель, извините, разве страдания этих девушек, которых вы тираните у дверей университета, не причиняют боль вашей совести? Ведь в сурах „Нур“ и „Ахзаб“²⁰ Священного Корана, который является словом Аллаха, все сказано ясно». / «Сынок, Священный Коран говорит: „Отрежьте руку вору“, но наше государство не отрезает. Почему ты ничего не возражаешь против этого?» / «Очень хороший ответ, учитель. Я поцелую вам руку. Но разве рука вора и честь наших женщин – одно и то же? Согласно исследованиям американского профессора-мусульманина Марвина Кинга, негра, в исламских государствах,

¹⁹ Сура «Свет», иначе – сура «Нур», 24-я сура Корана.

²⁰ Сура «Союзники», 33-я сура Корана.

где женщины закрывают себя, количество изнасилований снижается вплоть до исчезновения, а случаи нападения на женщин почти не встречаются. Женщина, спрятанная под чаршафом, будто заранее говорит мужчинам своей одеждой: „Пожалуйста, не беспокойте меня!“ Учитель, пожалуйста, разрешите мне спросить: выгоняя из общества покрывающую голову женщину, оставляя ее без образования и делая предметом всеобщего почитания бесстыдно оголившихся женщин, мы хотим сделать так, чтобы честь наших женщин гроша ломаного не стоила, как это произошло в Европе после сексуальной революции, а себя, простите великодушно, мы хотим опустить до положения сводников?» / «Сынок, я съел свою лепешку, извини, я ухожу». / «Сядьте на свое место, учитель, сядьте, или я воспользуюсь вот этим. Видите, учитель, что это?» / «Пистолет». / «Да, учитель, не взыщите, я ради вас проделал такой путь, я не дурак и подумал, что вы, может быть, даже слушать не станете, принял меры». / «Сынок, как тебя зовут?» / «Вахит Сюзме, Салим Фешмемян, какая разница, учитель? Я безымянный защитник безымянных героев, которые терпят несправедливость и борются за свою веру в этой светской и материалистической стране. Я не состою ни в какой организации. Я уважаю права человека и совсем не люблю насилие. Поэтому я кладу пистолет в карман и прошу вас, чтобы вы ответили только на один вопрос». / «Хорошо». / «Учитель, эти девушки, которых воспитывали годами, – свет очей родителей, умные, трудолюбивые, и каждая – первая отличница в своем классе. А что вы сделали с ними по приказу из Анкары? Для начала стали обращаться с ними так, будто их не существует. Если во время проверки посещаемости их имена записывали в ведомость, вы стирали их, потому что они носят платки. Если семь студенток занимались с преподавателем и одна из них была в платке, то, считая ее отсутствующей, вы распоряжались принести им только шесть стаканов чая. Вы доводили этих якобы отсутствующих девушек до слез. Но и этого вам было мало. По новому приказу из Анкары вы сначала перестали пускать их в классы и стали выставлять их в коридор, а затем из коридора выгнали за дверь, на улицу. Когда горстка девушек-героинь, упрямо настаивающих на своем и не снимавших платок, дрожа от холода, ждала на крыльце, чтобы рассказать всем о своих бедах, вы позвонили в полицию». / «Полицию вызвали не мы». / «Учитель, побойтесь и не врите мне, потому что у меня в кармане пистолет. Вечером того дня, когда полиция утащила девушек в кутузку, не мешала вам ваша совесть уснуть, а?» / «Конечно, платок превратился в символ, в предлог для политической игры, и из-за этого наши девушки стали еще несчастнее». / «Какая игра, учитель? Увы, девушка, выбирающая между учебой и честью, испытавшая нервный срыв, покончила с собой. Это игра?» / «Сынок, ты очень разгневан, но разве тебе не приходило в голову, что за тем, что вопрос о платке принял такую политическую окраску, стоят внешние силы, которые хотят разделить и ослабить Турцию?» / «Если вы пустите этих девушек на учебу, то платок перестанет быть проблемой, разве не так?» / «Но ведь дело не только в моем желании, сынок! Это все Анкара. Моя жена тоже носит платок». / «Не хитрите, учитель, а отвечайте на вопрос, который я сейчас задал». / «На какой вопрос?» / «Вас совесть не мучает?» / «Я тоже отец, сынок, конечно же, я очень огорчаюсь из-за этих девушек». / «Послушайте, я умею держать себя в руках, но я человек нервный. Как только я вскипаю, все, конец. В тюрьме я побил парня, который зевал, не прикрывая рта; я всех в камере людьми сделал, все избавились от дурных привычек, стали совершать намаз. И вы сейчас не увильвайте, а отвечайте на мой вопрос. Что я только что сказал?» / «Что ты сказал, сынок? Опустит пистолет». / «Я спрашивал не о том, есть ли у вас дочь и не огорчаются ли вы». / «Извини, сынок, о чем ты спросил?» / «Не задабривай меня из-за страха перед пистолетом. Вспоминай, что я спросил». (Пауза.) / «О чем вы спросили?» / «Я спросил, безбожник, не мучает ли тебя совесть». / «Мучает, конечно же». / «Тогда зачем ты так поступаешь, бесчестный?» / «Сынок, я преподаватель, который вам в отцы годится. Разве Священный Коран велит оскорблять старших, грозя им пистолетом?» / «Ты даже не заикайся о Священном Коране, ладно? И по сторонам не смотри, как будто просишь о помощи: закричишь – не пожалею, убью. Понятно?» / «Понятно». / «Тогда ответь вот на какой

вопрос: какая польза будет стране от того, что девушки с покрытой головой снимут платок? Назови причину, которую ты скормил своей совести, например скажи, что, если они снимут платок, европейцы будут лучше к ним относиться, будут считать их за людей, – по крайней мере, я пойму тебя и не убью, сразу положу пистолет». / «Уважаемый молодой человек. У меня тоже есть дочь, она ходит с непокрытой головой. Как я не вмешивался в привычки ее матери, которая носит платок, так не стал вмешиваться и в привычки дочери». / «Почему твоя дочь ходит без платка, она хочет стать артисткой?» / «Она мне такого не говорила. Она изучает в Анкаре связи с общественностью. Когда я прославился из-за этой проблемы с платками, когда у меня появились неприятности и я переживал, когда сталкивался с клеветой, с угрозами, со злобой моих врагов или, как вы, справедливо разгневанных людей, моя дочь всегда поддерживала меня. Она звонила из Анкары...» / «И что она говорила – ой, папочка, держись, я стану актрисой?» / «Нет, сынок, так она не говорит. Она сказала: „Я не решилась без платка войти в класс, в котором все девочки были в платках, я была вынуждена надеть платок“». / «Ну и что за вред ей будет, если она против своей воли наденет платок?» / «Ей-богу, я это не обсуждаю. Вы мне сказали назвать мотив». / «То есть ты, подлец, для того чтобы твоя собственная дочь была довольна, подговариваешь полицию побить в дверях этих верующих, послушных воле Аллаха девушек и, издеваясь над ними, подталкиваешь их к самоубийству?» / «Мотивы моей дочери – это в то же время мотивы многих других турецких женщин». / «Пока девяносто процентов женщин носят платок, что за мотивы у каких-то других артисток, я не понимаю. Ты, подлый тиран, гордишься тем, что твоя дочь раздевается, но заруби себе на носу: я не профессор, но на эту тему читал больше, чем ты». / «Пожалуйста, не направляйте на меня пистолет, уберите его, вы нервничаете, а потом, если он выстрелит, будете жалеть». / «О чем мне жалеть-то? Я ведь, собственно, затем и ехал два дня сквозь снег, в жуткую погоду, чтобы прикончить неверного. Священный Коран говорит, что убийство тирана, притесняющего верующих, дозволено. Я вновь даю тебе последний шанс, потому что мне все же тебя жалко: назови хоть одну причину, по которой девушки в платках должны оголиться и которую примет твоя совесть, тогда, клянусь, я тебя не убью». / «Если женщина снимет платок, она займет в обществе более достойное, более уважаемое место». / «Наверное, речь идет о твоей дочери, которая хочет стать артисткой. Однако платок, напротив, спасает женщину от приставаний, от изнасилования, от унижения и позволяет ей чувствовать себя спокойнее, когда она выходит на люди. Как указывают многие женщины, ставшие носить чаршаф, среди которых и бывшая танцовщица Меляхат Шандра, исполнявшая танец живота, это спасает женщину от положения несчастной вещи, возбуждающей животные чувства у мужчин на улице, стремящейся превзойти других женщин в привлекательности и потому постоянно делающей макияж. Как указывает американский профессор-негр Марвин Кинг, если бы знаменитая актриса Элизабет Тейлор последние двадцать лет носила чаршаф, то не попала бы в сумасшедший дом, стесняясь своей полноты, а была бы счастлива. Извините, учитель, можно спросить: почему вы смеетесь, учитель, мои слова смешны? (Пауза.) Говори, ты, подлый атеист, над чем ты смеешься?» / «Уважаемый молодой человек, поверьте, я не смеюсь, а если уж и смеюсь, то оттого, что нервничаю!» / «Нет, ты смеялся осознанно!» / «Уважаемый молодой человек, душа моя полна сострадания к несчастьям нашей страны, таким, как твои, как жалобы девушек в платках, к молодым людям, которые терпят унижения». / «Не подлизывайся понапрасну! Я вовсе не страдаю. А вот ты сейчас будешь страдать за то, что смеялся над девушками, покончившими с собой. Судя по тому, что ты смеешься, ты даже не собираешься раскаиваться. Раз так, я тебе сейчас сразу проясню ситуацию. Исламский суд борцов за веру давно осудил тебя на смерть, решение было принято единогласно пять дней назад в Токате, а меня отправили исполнить его. Если бы ты не смеялся, если бы раскаялся, может быть, я простил бы тебя. А теперь возьми этот лист, читай приговор... (Пауза.) Не плачь, как баба, громко читай, давай, бесчестный ты человек, или же я немедленно убью тебя». / «„Я, профессор-атеист Нури Йылмаз...“ Уважаемый молодой чело-

век, я не атеист...» / «Давай читай». / «Молодой человек, пока я буду читать, вы меня убьете?» / «Если ты не будешь читать – убью. Ну, давай читай». / «„Будучи орудием тайного плана по превращению мусульман светской Турецкой Республики в рабов Запада, лишению их чести и веры, я так мучил религиозных, верующих девушек за то, что они не снимают платок и не нарушают предписаний Священного Корана, что в конце концов одна девушка-мусульманка, не выдержав страданий, покончила с собой...“ Уважаемый молодой человек, если позволите, здесь я возражаю; пожалуйста, сообщите это комиссии, которая вас прислала. Эта девушка повесилась не потому, что ее не пускали учиться, не из-за того, что у нее был строгий отец, а, как сообщило нам Национальное разведывательное управление, из-за любовных страданий, как ни жаль». / «В предсмертной записке об этом ни слова». / «Я говорю это, рассчитывая на помилование, молодой человек, – пожалуйста, опустите пистолет – после того как эта неопытная девушка, не выйдя даже замуж, неразумно отдала свою невинность одному полицейскому на двадцать пять лет старше ее, этот человек сказал, что он, к сожалению, женат и вовсе не собирается жениться на ней...» / «Замолчи, бесстыжий. Это делает твоя шлюха-дочь». / «Не делай этого, сынок, не делай. Если ты меня убьешь, то и твое будущее будет омрачено». / «Скажи: „Я раскаялся!“» / «Я раскаялся, сынок, не стреляй». / «Открой рот, я засуну тебе пистолет... Сейчас ты нажми на курок над моим пальцем. Сдохнешь как безбожник, но, по крайней мере, с честью». (Пауза.) / «Сынок, посмотри, до чего я дошел, в таком возрасте плачу, умоляю, жалею не себя, а тебя. Жаль твою молодость, ты же станешь убийцей». / «Тогда сам спусти курок! И узнай сам, какая это боль – самоубийство». / «Сынок, я мусульманин, я против самоубийств!» / «Открой рот. (Пауза.) Не плачь так... Тебе раньше совсем не приходило в голову, что однажды придется дать ответ? Не плачь, а то выстрелю». / (Издалека голос пожилого официанта.) «Сударь, хотите принесу чай на ваш стол?» / «Нет, не надо. Я уже ухожу». / «Не смотри на официанта, читай продолжение своего смертного приговора». / «Сынок, простите меня». / «Читай, я сказал». / «Я стыжусь всего того, что сделал, я знаю, что заслужил смерть, и для того, чтобы Всевышний Аллах простил меня...» / «Давай читай...» / «Уважаемый молодой человек, оставь старика ненадолго, пусть он поплачет. Оставь, я хочу подумать в последний раз о жене, о дочери». / «Подумай о девушках, над которыми ты издевался. У одной случилось нервное расстройство, четверых на третьем курсе выгнали с учебы, одна покончила с собой, все заболели и слегли оттого, что дрожали у дверей, у всех жизнь пошла под откос». / «Уважаемый молодой человек, я очень раскаиваюсь. Но подумай, разве тебе стоит становиться убийцей, убив такого, как я?» / «Ладно. (Пауза.) Я подумал, учитель, слушай, что мне в голову пришло». / «Что?» / «Для того чтобы тебя найти и исполнить смертный приговор, я два дня без толку бродил по этому убогому Карсу. И когда, решив, что не судьба, я купил обратный билет в Токат и в последний раз пил чай...» / «Сынок, если ты думаешь, убив меня, сбежать из Карса на последнем автобусе, то дороги закрыты, шесть автобусов отменили, потом не жалея». / «Я как раз об этом думал, когда Аллах прислал тебя в эту кондитерскую „Йени хайят“. То есть если Аллах тебя не прощает, мне тебя прощать, что ли? Говори свое последнее слово, читай "Аллах велик"»²¹. / «Сядь на стул, сынок, это государство всех вас поймает, всех вас повесит». / «Молись». / «Успокойся, сынок, подожди, присядь, подумай еще. Не спускай курок, подожди. (Звук выстрела, грохот падающего стула.) Не надо, сынок!» (Еще два выстрела. Тишина, стон, звуки из телевизора. Еще один выстрел. Тишина.)

²¹ Название молитвы.

6

Стихи, вера и любовь

Грустный рассказ Мухтара

Когда Ипек оставила Ка у дверей делового центра «Халит-паша» и вернулась в отель, он поднялся по лестнице на второй этаж, но не пошел сразу в губернское отделение Партии благоденствия, а остался среди безработных, подмастерьев и прочих, слонявшихся без дела по коридорам. У него перед глазами все еще стояла сцена убийства директора педагогического института, он испытывал раскаяние и чувство вины, и ему хотелось позвонить помощнику начальника службы безопасности, с которым он разговаривал утром, в Стамбул, в газету «Джумхуриет» или какому-нибудь знакомому, но в деловом центре, переполненном чайными и парикмахерскими, ему так и не удалось найти место, откуда можно было бы позвонить.

С такими мыслями он вошел в комнату, на дверях которой висела табличка «Общество любителей животных». Здесь был телефон, но он был занят. К тому же Ка не был абсолютно уверен, хочет он звонить или нет. Пройдя мимо приоткрытой двери рядом с помещением общества, он вошел в зал для петушиных боев, в центре которого находился маленький ринг, а на стенах висели фотографии петухов. В зале Ка с мучительным страхом вспомнил, что влюблен в Ипек, и почувствовал, что эта любовь определит оставшуюся часть его жизни.

Один из состоятельных любителей животных и петушиных боев очень хорошо запомнил, как в тот день и час Ка зашел в зал, сел, задумавшись, на одну из пустых зрительских скамеек у края ринга, выпил чая и прочитал висевшие на стене правила, написанные крупными буквами.

ПЕТУХОВ, ВЫШЕДШИХ НА РИНГ, БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ИХ ХОЗЯЕВ
БРАТЬ НА РУКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ.

ЕСЛИ ПЕТУХ ПАДАЕТ ТРИ РАЗА ПОДРЯД И НЕ КЛЮЕТСЯ, ОН
СЧИТАЕТСЯ ПРОИГРАВШИМ.

ЕСЛИ СЛОМАНА ШПОРА, ПЕРЕВЯЗКА ДЕЛАЕТСЯ В ТЕЧЕНИЕ 3
МИНУТ, А ЕСЛИ КОГОТЬ, ТО В ТЕЧЕНИЕ 1 МИНУТЫ.

ЕСЛИ В ДРАКЕ СОПЕРНИК ПЕТУХА, УПАВШЕГО ВО ВРЕМЯ
ДРАКИ НА ПОЛ, НАСТУПИТ ЕМУ НА ШЕЮ, ТО ПЕТУХА ПОДНИМАЮТ
И БОЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

В СЛУЧАЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА ОЖИДАНИЕ
ДЛИТСЯ 15 МИНУТ, ЕСЛИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО НЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ, БОЙ
ОТМЕНЯЮТ.

В пятнадцать минут третьего, выходя из Общества любителей животных, Ка размышлял о том, как сбежать из этого Карса, похитив Ипек. Губернский центр Партии благоденствия был на том же этаже, через две двери от адвокатского бюро прежнего мэра от Народной партии Музаффер-бея, где свет сейчас не горел. (Двери принадлежали чайной «Достлар»²² и ателье «Йешил Терзи»²³.) Утренний визит к адвокату теперь казался Ка таким далеким прошлым, что, входя в помещение партии, он удивился, что оно было в том же здании, в том же коридоре.

Последний раз Ка видел Мухтара двенадцать лет назад. После того как они обнялись и поцеловались, он заметил, что у Мухтара появился животик, а волосы поседели и поредели, но,

²² «Друзья».

²³ «Зеленый портной».

вообще-то, именно этого он и ожидал. Как и в студенческие годы, в Мухтаре не было ничего особенного, и во рту у него, как и тогда, была неизменная сигарета.

– Убили директора педагогического института, – сказал Ка.

– Он не умер, сейчас по радио сказали, – ответил Мухтар. – А ты откуда знаешь?

– Он, как и мы, сидел в кондитерской «Новая жизнь», откуда Ипек тебе звонила, – ответил Ка и рассказал о том, как все произошло.

– Вы звонили в полицию? – спросил Мухтар. – Что вы делали потом?

Ка сказал, что Ипек вернулась домой, а он пошел прямо сюда.

– До выборов осталось пять дней, и по мере того, как становится понятно, что мы победим, власть строит нам всяческие козни, – сказал Мухтар. – Защита наших сестер в платках – это политика нашей партии в масштабах всей страны. А сейчас убивают этого убогого, не пропускавшего девушек в двери педагогического института, и свидетель, находившийся на месте преступления, не известив полицию, приходит прямо сюда, в наш партийный центр. – Мухтар напустил на себя любезный вид. – Пожалуйста, позвони отсюда в полицию и расскажи все, – проговорил он, протянув Ка телефонную трубку, словно гостеприимный хозяин – изысканное угощение. Когда Ка взял трубку, Мухтар набрал номер, заглянув в какую-то тетрадь.

– Я знаком с помощником начальника службы безопасности Касым-беем, – сказал Ка.

– Откуда ты его знаешь? – спросил Мухтар с явным подозрением, которое не понравилось Ка.

– Утром журналист Сердар-бей первым делом отвел меня к нему, – произнес Ка, и в этот момент девушка на телефонной станции соединила его с помощником начальника службы безопасности.

Ка рассказал, как произошло все, чему он стал свидетелем в кондитерской «Новая жизнь». Мухтар сделал два торопливых, забавных и неуклюжих шага и, неловко подвернув ногу, придвинул ухо к трубке, чтобы вместе с Ка слушать разговор. А Ка, чтобы ему было лучше слышно, отодвинул трубку от своего уха и приблизил к нему. Сейчас они чувствовали дыхание друг друга. Ка не знал, почему дает Мухтару слушать свой разговор, но понял, что так будет лучше. Он еще два раза описал помощнику начальника службы безопасности нападавшего: не лицо, которого совсем не видел, а его щуплую фигуру.

– Как можно скорее приходите сюда, мы запишем ваши показания, – проговорил комиссар любезным голосом.

– Я в Партии благоденствия, – сказал Ка. – Я сразу приду, не буду сильно задерживаться. Наступила пауза.

– Секунду, – сказал комиссар.

Ка и Мухтар слышали, как он, отодвинув трубку ото рта, с кем-то говорил шепотом.

– Извините, я попросил патрульный автомобиль, – сказал комиссар. – Этот снег все никак не кончается. Мы через некоторое время отправим машину, пусть вас заберут оттуда.

– Хорошо, что ты сообщил, что находишься здесь, – сказал Мухтар, когда Ка повесил трубку. – Так или иначе, они все знают. Они всех прослушивают. Я не хочу, чтобы ты понял меня неправильно из-за того, что я сейчас разговаривал с тобой так, будто обвинял тебя в чем-то.

В этот момент Ка ощутил раздражение, похожее на то, что когда-то вызывали у него увлеченные политикой знакомые, для которых он был буржуа из Нишанташи. В лицейские годы эти люди шутили друг над другом, вели себя как гомосексуалисты и постоянно пытались в шутку друг друга «отыметь». В последующие годы вместо этого появилась своеобразная игра – называть друг друга, а еще чаще своих политических противников агентами полиции. Из боязни попасть в положение такого доносчика, который из полицейской машины указывает на дом, где необходимо произвести обыск, Ка всегда держался подальше от политики. Несмотря на то

что Мухтар, став кандидатом от исламистской партии, совершил поступок, которого десять лет назад сам стыдился бы, приносить извинения и подыскивать оправдания опять пришлось Ка.

Зазвонил телефон, Мухтар с видом ответственного лица снял трубку и начал жестко торговаться с сотрудником телеканала «Серхат» о стоимости рекламного ролика его магазинчика по продаже бытовой техники, который должны были показать вечером во время прямой трансляции.

Когда он повесил трубку, оба замолчали, как обиженные дети, которые не знают, о чем говорить, и Ка представил себе, как бы они могли поговорить обо всем, о чем не говорили уже двенадцать лет.

Сначала они сказали бы друг другу: «Раз мы оба сейчас в некотором роде ведем жизнь изгнанников и поэтому не можем быть успешными, благополучными и счастливыми, значит жизнь – это сложная штука! Оказывается, и поэтом быть недостаточно... Вот почему мы оказались настолько вовлечены в политику». Как только эти слова были бы произнесены, оба мысленно сказали бы: «Когда поэзия не приносит счастья, появляется потребность в политике». Сейчас Ка еще больше презирал Мухтара.

Ка напомнил себе, что Мухтар доволен, потому что его ожидает победа на выборах, а он сам отчасти удовлетворен своей славой среднего турецкого поэта, потому что это все же лучше, чем ничего. Но подобно тому, как они оба никогда не признались бы в том, что довольны собой, они никогда не смогли бы сказать друг другу о самом главном: о том, что на самом деле не довольны жизнью. И хуже всего то, что они оба приняли поражение и привыкли к безжалостной несправедливости мира. Ка испугало то, что обоим, чтобы спастись, нужна была Ипек.

– Говорят, что ты сегодня вечером прочитаешь свое самое последнее стихотворение, – сказал Мухтар, слегка улыбнувшись.

Ка враждебно посмотрел в красивые карие глаза человека, когда-то женатого на Ипек, в которых не было и следа улыбки.

– Ты видел в Стамбуле Фахира? – спросил Мухтар, на этот раз улыбнувшись более дружелюбно.

Теперь Ка смог улыбнуться ему в ответ. В их улыбках сейчас было что-то нежное и уважительное. Фахир, их ровесник, уже двадцать лет был несгибаемым поклонником западной модернистской поэзии. Он учился в «Сен-Жозефе»²⁴, раз в год ездил в Париж на деньги своей богатой сумасшедшей бабушки, о которой говорили, что она аристократического происхождения; набив чемодан книгами, купленными в книжных лавках в квартале Сен-Жермен, он привозил все это в Стамбул и издавал переводы этих книг, а также свои стихи и стихи других турецких поэтов-модернистов в журналах, которые сам выпускал, и в поэтических сериях издательств, которые сам создавал и доводил до банкротства. В противоположность этой его деятельности, пользовавшейся всеобщим уважением, его собственные стихи, написанные под влиянием поэтов, переведенных им на искусственный «чистый турецкий»²⁵, были лишены вдохновения, плохи и непонятны.

Ка сказал, что Фахира в Стамбуле не видел.

– Я бы очень хотел, чтобы когда-нибудь стихи Фахира стали популярными, – сказал Мухтар. – Но он всегда презирал таких, как я, за то, что мы занимаемся не поэзией, а фольклором, «местными красотами». Прошли годы, были военные перевороты, мы все побывали в тюрьме, и я, как и все, скитаясь то там, то тут, не мог найти себе пристанища. Люди, которые были для меня примером, изменились, те, кому хотелось нравиться, исчезли, не осуществилось ничего из того, чего я хотел добиться в жизни и в творчестве. Вместо того чтобы вести несчастли-

²⁴ Одна из французских школ-интернатов в Стамбуле, популярных в XX в. в Турции.

²⁵ Понятие чисто турецкого языка подразумевает язык, свободный от арабо-персидских заимствований. Новые слова, как правило, разрабатывались на базе исконно тюркских корней.

вую, беспокойную и безденежную жизнь в Стамбуле, я вернулся в Карс. Я унаследовал от отца магазин, которого прежде стеснялся. Но и это не сделало меня счастливым. Я пренебрегал здешними людьми, воротил нос, увидев их, как это делал Фахир, когда видел мои стихи. В Карсе и город, и люди – словно ненастоящие. Здесь все хотят или умереть, или уехать отсюда навсегда. Но у меня не осталось места, куда можно уехать. Я оказался словно выброшенным за рамки жизни, за рамки цивилизации. Цивилизованная жизнь была так далеко, что я не мог ей даже подражать. Аллах не дал мне ребенка, который, как мечталось, сделал бы то, чего не смог сделать я, однажды став настоящим европейцем, свободным и современным.

Ка нравилось, что Мухтар может посмеяться над собой, слегка улыбаясь, словно бы светясь изнутри.

– По вечерам я пил и, чтобы не ссориться с моей прекрасной Ипек, приходил домой поздно. Это была одна из ночей в Карсе, когда замерзает все, даже птицы на лету. В поздний час я последним вышел из закусочной «Йешил-юрт» и шел домой на проспект Орду, где мы тогда жили с Ипек. Идти там не больше десяти минут, но по меркам Карса это довольно большое расстояние. Поскольку я перебрал раки, то в два счета заблудился. На улицах абсолютно никого не было. Карс был похож на покинутый всеми город, как всегда бывает в холодные ночи; дома, в которые я стучался, были бывшими домами армян, где уже восемьдесят лет никто не живет, или же их обитатели спали под горами одеял, как животные в зимней спячке, не выходя из нор, в которые спрятались.

Внезапно мне стало нравиться то, что весь город словно покинут, что в нем никого нет. От спиртного и холода по всему моему телу разливалась сладкая сонливость. Я решил тихонько покинуть эту жизнь, кое-как прошел несколько шагов и, вытянувшись под деревом на обледенелой мостовой, стал ждать сна и смерти. Умереть на таком холоде в пьяном виде – дело нескольких минут. Пока нежный сон растекался по моим венам, у меня перед глазами появился мой ребенок, который никак не мог родиться. Я очень обрадовался: это был мальчик, он вырос, повязал галстук и выглядел при этом не как наши служащие в галстуках, а как европеец. Только он собрался что-то мне сказать, как вдруг остановился и поцеловал руку какому-то старику. От этого старика исходило сияние. Тут и мне в глаза вдруг ударил свет и разбудил меня. С раскаянием и надеждой я встал на ноги. Посмотрел: немного поодаль открылась дверь, люди входят и выходят. Послушавшись внутреннего голоса, я пошел за ними. Они взяли меня с собой, пустили в светлый и жаркий дом. Здесь были не удрученные жизнью люди, потерявшие, как другие жители Карса, всякую надежду; здесь были счастливые лица, и все же это были наши горожане, и кое-кто был даже мне знаком. Я догадался, что этот дом был тайной обителью глубоководного Саадеттина, курдского шейха, о котором ходили легенды. От приятелей-служащих я слышал, что шейх спустился в Карс из одной горной деревни по приглашению богатых последователей, число которых день ото дня увеличивалось; он призывал несчастных, бедных и безработных жителей Карса на богослужения в свою обитель, но я не придавал этим слухам значения, потому что полиция запрещала эти враждебные республике действия. А сейчас, проливая слезы, я поднимался по лестнице к этому шейху. Произошло то, чего я многие годы втайне боялся, что считал слабостью и отсталостью в годы своего атеизма: я возвращался к религии. На самом деле я всегда боялся одетых в мантии шейхов-реакционеров с окладистой бородой, которых рисовали на карикатурах, но сейчас, поднимаясь по лестнице по собственной воле, я заплакал навзрыд. Шейх был хорошим человеком. Он спросил у меня, почему я плачу. Конечно же, я не собирался говорить, что я плачу из-за того, что оказался в компании шейха-реакционера и его последователей. К тому же я очень стеснялся запаха раки, шедшего у меня изо рта, как из трубы. Я сказал, что потерял ключи. Мне сразу же пришло в голову, что я уронил связку ключей там, где хотел умереть. Льстивые ученики, бывшие рядом с ним, бросились указывать, что ключи имеют символическое значение, а он послал их на улицу на

поиски. Когда мы остались одни, он ласково мне улыбнулся. Я успокоился, осознав, что это был тот самый добрый старик, которого я только что видел во сне.

Мне захотелось поцеловать руку этому великому человеку, казавшемуся мне святым, и я так и поступил. Тогда он сделал то, что меня очень удивило. Он тоже поцеловал мне руку. Я ощутил внутренний покой, которого не чувствовал много лет. Я сразу понял, что могу говорить с ним обо всем, расскажу ему всю свою жизнь. А ему предстояло открыть для меня путь Всевышнего Аллаха, о существовании которого в глубине души я знал и в годы моего атеизма. Это предчувствие делало меня счастливым. Они все-таки нашли мои ключи. Вернувшись в ту ночь домой, я сразу уснул. Утром я устыдился происшедшего. О том, что со мной случилось, я помнил смутно, да и не хотел вспоминать. Я поклялся себе, что больше не пойду в обитель. Я боялся встретиться где-нибудь с последователями шейха, видевшими меня там. Но когда я следующей ночью возвращался из пивной, ноги сами привели меня в обитель. Несмотря на раскаяние, которое я испытывал днем, в последующие ночи все это повторилось. Шейх сажал меня ближе всех к себе и, выслушав рассказ о моих бедах, наполнял мое сердце любовью к Аллаху. Я все время плакал и от этого обретал покой. Чтобы никто не догадался о том, что я хожу в обитель – а я скрывал это, как великую тайну, – днем я брал в руки самую антиклерикальную из газет, которую знал, «Джумхуриет», и жаловался, что везде развелись мракобесы, враги республики, и повсюду спрашивал, почему не проводятся собрания в Обществе сторонников идей Ататюрка.

Эта двойная жизнь продолжалась до тех пор, пока однажды вечером Ипек не спросила у меня: «У тебя другая женщина?» Со слезами я признался ей во всем. А она заплакала: «Ты что, стал верующим и заставишь меня покрыть голову?» Я поклялся, что не буду этого требовать. Чувствуя, что происшедшее с нами похоже на внезапное разорение, я, чтобы успокоить ее, рассказал, что в магазине дела идут хорошо и, несмотря на перебои с электричеством, новые электрические обогреватели «Арчелик» очень хорошо продаются. На самом деле я был счастлив, что теперь смогу совершать намаз дома. В книжном магазине я купил себе самоучитель намаза. Передо мной открывалась новая жизнь.

Как только я немного пришел в себя, однажды вечером в порыве вдохновения я написал большое стихотворение. В нем я рассказал о своем душевном кризисе, стыде, о поднимающейся во мне любви к Аллаху, о покое, о том, как первый раз я поднимался по благословенной лестнице моего шейха, о символическом и реальном значении ключей. В этом стихотворении не было недостатков. Клянусь, оно было не хуже стихотворений самых модных и новых западных поэтов, которые переводил Фахир. Я сразу отослал стихотворение ему. Я ждал шесть месяцев, но оно так и не было напечатано в журнале «Чернила Ахиллеса», который он тогда выпускал. В ожидании я написал еще три стихотворения и все отправил в журнал поочередно, с интервалом в два месяца. Я с нетерпением ждал целый год, и опять ни одно из них не было опубликовано.

В тот период самое большое несчастье для меня было не в том, что у нас все еще нет детей, не в том, что Ипек противится предписаниям ислама, и не в том, что мои прежние левые и светски настроенные друзья презирали меня за то, что я стал набожным. Случаев горячего обращения людей к исламу было достаточно, так что они не обращали на меня особенного внимания. Больше всего меня потрясло то, что не были изданы эти стихи, отправленные в Стамбул. Я не мог дожидаться выхода очередного номера, который появлялся в начале каждого месяца, и, успокаивая себя, всякий раз думал, что в конце концов хоть одно мое стихотворение в этом месяце будет опубликовано. Реализм моих стихов можно было сравнить только с реализмом западной поэзии. А это в Турции, как я думал, может сделать только один Фахир.

Сильный гнев из-за причиненной мне несправедливости начал отравлять счастье, которое давал мне ислам. Теперь, совершая намаз в мечети, куда я начал ходить, я думал о Фахире и опять был несчастлив. Однажды вечером я решил рассказать о своем горе шейху, но он не

понял, что такое модернистские стихи, кто такие Рене Шар, Малларме и Жубер и что означают понятия «разрыв фразы» и «пауза пустой строки».

Это поколебало мое доверие к шейху. Долгое время он не делал ничего, кроме того что повторял мне: «Храни чистоту своего сердца», «С помощью любви Аллаха, если Ему будет угодно, ты выйдешь из этого ущелья» и еще несколько подобных фраз. Я не хочу грешить против истины, он не был обычным человеком, но он был человеком малообразованным. Во мне опять зашевелился мой внутренний демон, знакомый по годам атеизма, – наполовину рационалист, наполовину прагматик. Такие люди, как я, находят покой тогда лишь, когда объединяются с себе подобными в политическую партию, чтобы бороться во имя какой-нибудь цели. Так я понял, что вступление в партию, которая придает большое значение религии и духовности, даст мне более глубокую и значительную духовную жизнь, чем обитель. Партийный опыт, полученный мною в марксистские годы, очень помог мне теперь.

– Приведи пример, – попросил Ка.

Отключили электричество. Наступила долгая пауза.

– Отключили электричество, – проговорил Мухтар загадочным голосом.

Ка ничего не ответил и сидел, не шевелясь, в темноте.

7

Исламисты – так нас называют сторонники светского общества и западного образа жизни

В отделении партии, в Управлении безопасности и снова на улице

В том, как они молча сидели в темноте, было нечто тревожащее, но Ка предпочитал эту напряженность неискреннему разговору двух старых приятелей при свете. Единственное, что сейчас связывало его с Мухтаром, была Ипек, и Ка, конечно, хотел поговорить о ней, но боялся дать понять, что влюблен в нее. Боялся он и того, что Мухтар начнет еще о чем-нибудь рассказывать, и тогда он станет считать его еще большим глупцом, чем сейчас, а в результате восхищение, которое он хотел чувствовать к Ипек, пострадает оттого, что она была многие годы замужем за таким человеком.

Поэтому, когда Мухтар, не зная, о чем еще поговорить, завел речь о прежних приятелях-леваках и о политических эмигрантах, живущих в Германии, у Ка отлегло от сердца. В ответ на вопрос Мухтара он, улыбнувшись, сказал, что слышал о том, что кудрявый Туфан из Малатьи, который когда-то писал статьи о странах третьего мира для одного журнала, сошел с ума. Ка сказал, что видел его в последний раз на Центральном вокзале в Штутгарте, с длинной палкой в руке, к концу которой была привязана мокрая тряпка: насвистывая, он бегал туда-сюда и вытирал пол. Потом Мухтар спросил о Махмуде, который вечно получал нагоняи из-за того, что не умел молчать. Ка сказал, что он вступил в общину сторонника шариата Хайруллаха-эфенди и сейчас с той же страстью, с какой когда-то отстаивал левые идеи, спорит о том, в какой мечети в Германии какая община будет главной. Еще один человек, о котором, опять улыбнувшись, вспомнил Ка, приветливый и симпатичный Сулейман, так затосковал в маленьком городке Траунштайн в Баварии, где жил на деньги фонда одной церкви, раскрывающей свои объятия политическим эмигрантам из стран третьего мира, что все же вернулся в Турцию, хотя и сознавал, что там его посадят в тюрьму. Они вспомнили Хикмета, который работал в Берлине шофером и был убит при странных обстоятельствах, Фадыла, который женился на пожилой немке, вдове нацистского офицера, и вместе с ней открыл пансион, и теоретика Тарыка, который работает на турецкую мафию в Гамбурге и уже разбогател. Садык, который когда-то вместе с Мухтаром, Ка, Талером и Ипек собирал только что вышедшие из типографии журналы, сейчас стал главарем банды, которая контрабандным путем через Альпы переправляет в Германию рабочих. Говорили, что обидчивый Мухаррем вел вместе со своей семьей счастливую жизнь под землей на одной из станций-призраков берлинского метро, заброшенных из-за холодной войны и Берлинской стены. Когда поезд проносился между станциями «Кройцберг» и «Александерплац», сидевшие в вагоне турецкие социалисты-пенсионеры на мгновение почтительно вставали, подобно стамбульским мафиози былых дней, которые всякий раз, проезжая через Арнавут-Кёй²⁶, приветствовали одного легендарного гангстера, некогда исчезнувшего в тамошних водах со своей машиной. Даже если в момент этого приветствия находящиеся в вагоне политические эмигранты не были знакомы, они краем глаза поглядывали на своих попутчиков, приветствующих легендарного, но проигравшего свою битву героя. Так Ка случайно встретил в вагоне берлинского метро Рухи, который когда-то постоянно критиковал своих левых друзей за то, что они не интересуются психологией, и узнал, что он участвует

²⁶ В прошлом городок на европейском берегу Босфора, ныне один из районов Стамбула.

в экспериментах, изучающих, как воздействует на целевую аудиторию реклама нового сорта пиццы с бастурмой, которую собирались продавать мигрантам-рабочим с самым низким уровнем дохода. Самым счастливым из политических эмигрантов, которых Ка знал в Германии, был Ферхат: он вступил в РПК, с националистическим рвением нападал на офисы «Турецких авиалиний», бросал «коктейль Молотова» в здания турецких консульств перед камерами CNN и учил курдский, мечтая о стихах, которые однажды напишет. Других людей, о которых со странным любопытством спрашивал Мухтар, Ка или давно забыл, или слышал, что они, как и многие другие из тех, кто вступил в банды, работал на секретные службы или занялся иными темными делами, исчезли или, вероятно, были тихонько убиты и брошены в воду какого-нибудь канала.

При свете спички, зажженной его старинным приятелем, Ка увидел призрачные силуэты предметов обстановки губернского отделения партии, старый журнальный столик, газовую печь. Он встал, подошел к окну и стал с восторгом смотреть на снег.

Снег падал очень медленно, большими восхитительными снежинками. В том, как медленно и обильно он сыпал, в его белизне, столь явной в неясном голубоватом свете, непонятно откуда исходившем, была некая сила, вселяющая покой и уверенность, и еще было восхищавшее Ка странное изящество. Он вспомнил снежные вечера своего детства – когда-то в Стамбуле от снега и сильного ветра тоже отключалось электричество, в доме слышалось испуганное перешептывание, заставлявшее сильнее колотиться детское сердце, и восклицания «Сохрани, Аллах!», а Ка чувствовал счастье оттого, что у него есть семья. Он с грустью наблюдал за еле бредущей под снегом лошадью, запряженной в повозку. В темноте можно было заметить, как животное напряженно крутит головой из стороны в сторону.

– Мухтар, ты все еще ходишь к шейху?

– К глубокопочтимому Саадеттину? – спросил Мухтар. – Иногда. А что?

– Что это тебе дает?

– Там я чувствую, что у меня есть друзья, и они пусть немного, но любят меня. Шейх мудрый человек.

Но Ка почувствовал в голосе Мухтара не радость, а разочарование.

– В Германии я веду очень одинокую жизнь, – упрямо продолжал он разговор. – Когда по ночам я смотрю на крыши Франкфурта, то чувствую, что весь этот мир, моя жизнь – не напрасны. Мне слышатся голоса.

– Какие голоса?

– Возможно, это происходит потому, что я постарел и боюсь умереть, – ответил Ка, смутившись. – Если бы я был писателем, я бы написал о себе: «Снег напоминает Ка о Боге!» Но я не знаю, было бы это правдой. Безмолвие снега приближает меня к Богу.

– Религиозные люди, люди правых взглядов, мусульмане-консерваторы этой страны... После всех тех лет, когда я был атеистом и левым, они оказали очень хорошее влияние на меня, – проговорил Мухтар и с какой-то странной надеждой в голосе добавил: – Ты найдешь их. Я уверен, что и тебе они окажутся полезными.

– В самом деле?

– Да и потом, обычно набожные люди – скромны, добры и терпимы. Они не презирают людей, как их европеизированные соотечественники; они умеют сострадать и быть чуткими. Узнав тебя, они начинают тебя любить и никогда не обижают.

Ка давно знал, что в Турции вера в Аллаха означала в первую очередь принадлежность к общине, к определенному кругу людей, а вовсе не встречу человека как личности с возвышенными идеями и великим Творцом; и все же его разочаровало то, что Мухтар вел речь о пользе общины, не говоря ничего об Аллахе и о вере каждого человека в отдельности. Он почувствовал, что презирает Мухтара за это. Но, глядя в окно, к которому он прислонился лбом, повинаясь какому-то внутреннему чувству, он сказал Мухтару другое:

– Мухтар, мне кажется, что, если я поверю в Бога, ты разочаруешься во мне и даже станешь меня презирать.

– Почему?

– Человек, по-европейски в одиночку верящий в Бога, тебя пугает. Ты считаешь более надежным человека неверующего, но принадлежащего общине, нежели пришедшую к вере обособленную личность. Одинокий человек для тебя хуже и презреннее, чем неверующий.

– Я очень одинок, – сказал Мухтар.

У него получилось сказать это так искренне и убедительно, что Ка почувствовал одновременно злобу и жалость и еще что заполнившая комнату темнота заставила и его самого, и Мухтара ощутить какое-то пьянящее чувство причастности к общей тайне.

– Я не собираюсь этого делать, но знаешь, почему тебя особенно испугало бы, если бы я стал набожным человеком, который пять раз в день совершает намаз? Ты можешь с головой уходить в дела общины и религии, только пока такие, как я, мирские безбожники занимаются государственными делами и торговлей. Человек в этой стране не может со спокойной душой вести праведную жизнь, не будучи уверенным в трудолюбии безбожника, который должен добросовестно вести торговлю с Западом, заниматься политикой и прочими делами, не имеющими отношения к религии.

– Но ты не тот человек, который занимается не имеющими отношения к религии государственными делами и торговлей. Я отведу тебя к глубокоочтимому Саадеттину когда захочешь.

– Кажется, полиция приехала! – сказал Ка.

Оба безмолвно наблюдали сквозь замерзшие окна за двумя людьми в штатском, медленно вышедшими из полицейской машины, припарковавшейся внизу, у двери делового центра.

– Я хочу кое о чем тебя попросить, – сказал Мухтар. – Сейчас эти люди поднимутся сюда, отвезут нас в управление. Тебя они не будут задерживать, запишут твои показания и отпустят. Ты вернешься в отель, а вечером хозяин отеля Тургут-бей позовет тебя на ужин, и ты пойдешь. Там, конечно же, будут и его любопытные дочери. Тогда, я прошу тебя, скажи Ипек вот что. Ты слушаешь меня? Скажи Ипек, что я опять хочу на ней жениться! Моя ошибка была в том, что я просил ее надеть платок, одеваться так, как предписывает ислам. Скажи ей, что я больше не буду вести себя с ней как ограниченный, ревнивый провинциальный муж, что я раскаиваюсь и стыжусь того, что обижал ее, когда мы были женаты!

– Разве ты этого не говорил Ипек раньше?

– Говорил, но это не помогло. Может, она мне не верит, потому что я стал председателем отделения Партии благоденствия. Ты совсем другой человек, ты приехал из Стамбула, точнее, даже из Германии. Если ты ей скажешь, она поверит.

– Разве ты не окажешься в затруднительном положении как председатель отделения Партии благоденствия, если твоя жена будет ходить без платка?

– Через четыре дня я с помощью Аллаха выиграю выборы и стану мэром, – сказал Мухтар. – Но важнее этого то, чтобы ты рассказал Ипек о моем раскаянии. Тогда я, возможно, все еще буду находиться под арестом. Ты сделаешь это для меня, брат?

Ка несколько мгновений колебался.

– Сделаю, – проговорил он.

Мухтар обнял Ка и поцеловал его в обе щеки. Нечто среднее между состраданием и отвращением – вот какое чувство вызывал Мухтар у Ка, и он презирал самого себя за то, что он не такой искренний и простодушный, как тот.

– Я очень прошу тебя, чтобы ты лично отдал Фахиру в Стамбуле это мое стихотворение, – сказал Мухтар. – То самое, о котором я рассказывал, «Лестница».

Когда Ка в темноте прятал стихотворение к себе в карман, вошли трое в штатском; двое из них держали большие фонари. Они были полны готовности и внимания, и по их виду было понятно, что они очень хорошо знали, чем занимались здесь Ка и Мухтар. Ка понял, что они

из НРУ. И все же, рассматривая удостоверение личности Ка, они спросили его, что он здесь делает. Ка ответил, что приехал из Стамбула, чтобы написать в газету «Джумхуриет» статью о выборах мэра и о женщинах-самоубийцах.

– Кончают они с собой именно потому, что вы пишете об этом в стамбульских газетах! – сказал один из вошедших.

– Нет, не поэтому, – строптиво ответил Ка.

– А почему?

– Они совершают самоубийства, потому что несчастны.

– Мы тоже несчастны, но не кончаем с собой.

За этим разговором сотрудники НРУ, светя себе фонарями, открывали шкафы, выдвигали ящики и высыпали на столы их содержимое, искали что-то в папках. Они перевернули стол Мухтара, разыскивая под ним оружие, отодвинули один из шкафов и заглянули за него. С Ка они обращались намного лучше, чем с Мухтаром.

– Почему, став свидетелем убийства директора, вы пошли не в полицию, а сюда?

– У меня была назначена встреча.

– Для чего?

– Мы старые друзья по университету, – сказал Мухтар извиняющимся голосом. – А хозяйка отеля «Кар-палас», в котором он остановился, – моя жена. Незадолго до убийства они позвонили мне сюда, в партийный центр, и назначили встречу. Вы можете проверить, ведь Национальное разведывательное управление прослушивает телефоны нашей партии.

– Откуда ты знаешь, что мы прослушиваем ваши телефоны?

– Извините, – сказал Мухтар, совершенно не испугавшись. – Я не знаю, я предположил. Может быть, я ошибся.

Ка ощутил в Мухтаре хладнокровие и подавленность человека, который привык покорно сносить дурное обращение, оскорбления и тычки со стороны полицейских, воспринимая жестокость полиции и государства как такое же естественное явление, как перебои с электричеством и вечная грязь на дорогах; Ка почувствовал уважение к приятелю только за то, что сам не обладал такой полезной способностью и умением идти на компромисс.

Они сидели рядом, словно наказанные дети, на заднем сиденье полицейской машины, куда их посадили после долгого обыска в губернском отделении партии, во время которого сотрудники НРУ перевернули вверх дном все шкафы, часть вытащенных оттуда папок, перевязав веревками, положили в мешки, а потом составили протокол. Посмотрев на большие белые руки Мухтара, смиренно лежащие на коленях, словно толстые старые собаки, Ка снова ощутил его беспомощность. Пока полицейская машина медленно ехала по заснеженным темным улицам Карса, они грустно смотрели на бледные желтоватые огни, просачивающиеся из окон армянских особняков с приоткрытыми занавесками, на стариков, медленно бредущих по обледенелым мостовым с полиэтиленовыми сумками в руках, на фасады одиноких, как призраки, пустых и старых домов. На досках объявлений Национального театра были развешены афиши о вечернем представлении. Рабочие, проводившие по улицам кабель для прямой трансляции, еще не закончили своего дела. На автовокзале царил нервная атмосфера ожидания из-за закрытых дорог.

Полицейская машина медленно ехала под сказочным снегом. Снежинки казались Ка такими же большими, как те, что можно увидеть внутри наполненной водой игрушки, которую маленькие дети называют «волчок». Во время этого путешествия, продолжавшегося, несмотря на небольшое расстояние, семь-восемь минут, поскольку водитель вел машину очень медленно и осторожно, Ка один раз встретился взглядом с Мухтаром, сидевшим рядом, и по печальному и спокойному взгляду старинного приятеля вдруг со стыдом и одновременно облегчением понял, что в Управлении безопасности Мухтара будут бить, а к нему не прикоснутся.

По глазам своего товарища, которых он не забудет и долгие годы спустя, Ка почувствовал и то, что Мухтар считает, что заслужил побои, которые ему вскоре предстояло получить. Хотя он твердо верил в то, что победит на выборах мэра, которые состоятся через четыре дня, в глазах его было такое извиняющееся выражение безропотности и раскаяния, что Ка понял, о чем думает Мухтар: «Скоро меня будут бить за то, что все еще упорно желаю жить в этом уголке мира и даже захотел обрести здесь власть. Я знаю, что заслужил эти побои, которые постараюсь вытерпеть без ущерба для собственной гордости, и поэтому считаю себя ниже тебя. А ты, пожалуйста, не смотри мне в глаза, не заставляй меня стыдиться».

После того как полицейский микроавтобус остановился в заметном снегом внутреннем дворе Управления безопасности, Ка и Мухтара не разделили, но обращались с ними очень по-разному. С Ка сотрудники вели себя как с известным журналистом из Стамбула, влиятельным человеком, который навлечет беды на их головы, если что-нибудь про них напишет, но в то же время готов сотрудничать с ними в качестве свидетеля. С Мухтаром же обращались униЗИтельно, словно говоря: «А, это опять ты!» – а когда они поворачивались к Ка, выражение их лиц словно бы говорило: «Какие у вас могут быть дела с таким, как он?» Ка наивно думал, что они унижали Мухтара отчасти из-за того, что считали его глупцом (неужели ты думаешь, что тебе поручат управлять этим государством!) и неудачником (ты сначала научился бы распоряжаться своей жизнью!). Но ему предстояло намного позже с горечью понять, что они намекали совершенно на другое.

На какое-то время Ка увели в соседнюю комнату и стали показывать черно-белые фотографии, вытасканные из архива, чтобы он опознал невзрачного человечка, убившего директора педагогического института. Здесь были фотографии всех исламистов Карса и окрестностей, кто хотя бы раз попал в поле зрения сил безопасности. Большинство были молодые курды, крестьяне или безработные, но встречались и уличные торговцы, студенты училища имамов-хатибов²⁷ и даже университета, учителя и турки-сунниты. Среди фотографий молодых людей, озлобленно и тоскливо смотревших в фотокамеру Управления безопасности, Ка обнаружил лица двух парней, которых однажды видел на улицах Карса, однако ни на одной из черно-белых фотографий невозможно было найти нападавшего, который, как считал Ка, был постарше и более щуплым.

Вернувшись в другую комнату, он увидел, что у Мухтара, сидевшего сторбившись все на той же табуретке, течет кровь из носа и заплыл один глаз. Мухтар, смутившись, сделал несколько суетливых движений, а затем тщательно закрыл лицо носовым платком. В тишине Ка на какой-то момент вообразил, что Мухтар доказал свою невиновность благодаря этим побоям, которые получил за то, что испытывал чувство вины и душевные муки из-за бедности и глупости своей страны. Спустя два дня, перед тем как Ка получит горькое известие, которое сделает его таким несчастным, каким он еще никогда не был за всю свою жизнь (на этот раз он сам окажется в положении Мухтара), он еще вспомнит эту свою мысль, хотя и найдет ее глупой.

Через минуту после того, как они встретились с Мухтаром взглядами, Ка опять отвели в соседний кабинет записать показания. Рассказывая молодому полицейскому, использовавшему пишущую машинку «Ремингтон» (на точно такой же в детстве стучал по вечерам отец Ка, адвокат, когда приносил работу домой), о том, как убили директора педагогического института, он думал, что Мухтара ему показали, чтобы напугать.

Когда его через какое-то время отпустили, перед его глазами еще долгое время стояло окровавленное лицо Мухтара, оставшегося в Управлении безопасности. Раньше в провинциальных городах полиция так не издевалась над сторонниками старых порядков. Но Мухтар был не из центристской правой партии, вроде партии «Отечество»; он был из тех, кто хотел

²⁷ *Имам-хатиб* – глава квартальной или сельской мусульманской общины, имеющий право читать пятничную проповедь в мечети, хутбу.

считаться радикальными исламистами. И Ка опять почувствовал, что в этой ситуации есть что-то связанное с личностью Мухтара. Ка долго шел под снегом, потом присел на изгородь в самом конце проспекта Орду и закурил, глядя на детей, катавшихся при свете уличных фонарей на санках с заснеженного спуска. Он чувствовал усталость от нищеты и насилия, на которые насмотрелся за день, но в нем теплилась надежда, что с любовью Ипек можно будет начать совершенно новую жизнь.

Через некоторое время, вновь бредя под снегом, он обнаружил, что оказался напротив кондитерской «Йени хайят». Огни стоявшей перед разбитой витриной полицейской машины мигали синим светом и мягко освещали толпу детей и взрослых, наблюдавших за полицейскими в кондитерской, и снег, с божественным терпением падавший на Карс. Ка подошел к толпе и увидел, что полицейские все еще допрашивают пожилого официанта.

Какой-то человек робко толкнул его в плечо:

– Вы поэт Ка, не так ли?

Это был юноша с большими зелеными глазами и добрым детским лицом.

– Меня зовут Неджип. Я знаю, что вы приехали в Карс, чтобы написать для газеты «Джумхуриет» статью о выборах и о девушках-самоубийцах. Но в Карсе есть еще один важный человек, с которым вам необходимо увидеться.

– Кто?

– Отойдем в сторонку?

Ка понравился загадочный тон юноши. Они отошли к буфету «Модерн», который, как гласила его вывеска, славился на весь мир своими шербетами и салепом²⁸.

– Я уполномочен сказать вам, кто этот человек, только если вы согласитесь с ним встретиться.

– Если я не знаю, кто это, как я могу согласиться встретиться с ним?

– Это так, – сказал Неджип. – Но этот человек скрывается. От кого и почему он скрывается, я не могу вам сказать, пока вы не согласитесь с ним увидеться.

– Хорошо, я согласен с ним встретиться, – сказал Ка. И добавил, как в дешевых детективных романах-комиксах: – Надеюсь, это не ловушка.

– Если не доверять людям, то ничего в жизни не удастся сделать, – ответил Неджип, тоже как в детективном комиксе.

– Я вам доверяю, – сказал Ка. – Кто этот человек, которого мне необходимо увидеть?

– После того как ты узнаешь его имя, ты его увидишь. Но ты должен держать в тайне то место, где он прячется. А сейчас еще раз подумай. Сказать тебе, кто он?

– Да, – произнес Ка. – Вы мне тоже должны верить.

Неджип, волнуясь, словно упоминал имя легендарного героя, сказал:

– Имя этого человека – Ладживерт. – Увидев, что Ка никак не реагирует, он огорчился. – Вы что, в Германии совсем о нем не слышали? Он очень известен в Турции.

– Я знаю, – проговорил Ка успокаивающе. – Я готов с ним встретиться.

– Но я не знаю, где он, – сказал Неджип. – И даже ни разу в жизни его не видел.

Какое-то время они рассматривали друг друга, недоверчиво улыбаясь.

– К Ладживерту тебя отведет другой, – произнес Неджип. – Моя обязанность только свести тебя с человеком, который отведет тебя к нему.

Вместе они пошли вниз по Малому проспекту Казым-бея под предвыборными флажками и мимо предвыборных плакатов. В нервных и детских движениях юноши, в его стройной фигуре Ка ощутил что-то напоминавшее ему собственную молодость, и Неджип стал ему очень близок. В какой-то миг он даже поймал себя на том, что пытается смотреть на мир его глазами.

– Что вы слышали в Германии о Ладживерте? – спросил Неджип.

²⁸ Турецкий национальный сладкий горячий напиток из молока буйволиц, который пьют с корицей и только зимой.

– Я читал в турецких газетах, что он боевик-исламист, – ответил Ка. – Читал о нем и другие нелестные отзывы.

Неджип торопливо перебил его.

– Так называет прозападная и светская пресса нас, мусульман, готовых бороться во имя своей религии, – сказал он. – Вы светский человек, но, пожалуйста, не доверяйте лжи, которую пишет о нем светская пресса. Он никого не убивал. Даже в Боснии, куда он поехал, чтобы защитить своих братьев-мусульман, и в Грозном, где русская бомба сделала его инвалидом.

На одном углу он остановил Ка.

– Видите напротив книжную лавку «Теблиг»?²⁹ Она принадлежит последователям Вах-дета³⁰, но все исламисты Карса встречаются здесь. Это всем известно, полиции тоже. Среди продавцов есть их шпионы. Я учусь в лицее имамов-хатибов. Нам туда входить запрещено, будет дисциплинарное взыскание, но я подам знак, что мы пришли. Через три минуты из магазина выйдет высокий молодой человек с бородой, в красной тюбетейке. Идите за ним. Через две улицы, если за вами не будет полицейского в штатском, он подойдет и отведет тебя туда, куда должен отвести. Ты понял? Да поможет тебе Аллах.

Неджип вдруг исчез в густом снегу. Ка почувствовал к нему необъяснимую нежность.

²⁹ «Известие».

³⁰ Одна из религиозных сект мусульман-традиционалистов Турции.

8

Самоубийство – большой грех

Истории Ладживерта и Рустема

Пока Ка ждал перед книжным магазином, снег пошел еще сильнее. Устав стряхивать его с головы и ждать, Ка уже собирался вернуться в отель, как вдруг заметил, что на противоположном тротуаре, в бледном свете фонаря показался высокий молодой человек с бородой. Когда Ка увидел, что красная тюбетейка на голове юноши побелела от снега, сердце его забило сильнее, и он пошел за ним.

Они прошли весь проспект Казыма Карабекира, который кандидат на пост мэра от партии «Отечество» пообещал сделать пешеходной зоной, в подражание Стамбулу; повернули на проспект Фаик-бея, затем, миновав еще две улицы, повернули направо и дошли до Вокзальной площади. Памятник Казыму Карабекиру в центре площади совсем исчез под снегом и в темноте стал похож на большое мороженое. Ка увидел, что бородатый юноша вошел в здание вокзала, и побежал следом за ним. В залах ожидания никого не было. Догадавшись, что молодой человек вышел на перрон, Ка пошел туда. В конце перрона он, казалось, увидел юношу впереди, в темноте, и со страхом пошел вдоль железной дороги. Только он подумал, что, если его здесь убьют внезапным выстрелом, труп до весны никто не найдет, он столкнулся лицом к лицу с бородатым молодым человеком в тюбетейке.

– За нами никого нет, – сказал юноша. – Но если хочешь, еще можешь передумать. Если пойдешь со мной, потом будешь держать язык за зубами. Не вздумай проговориться, как попал сюда. Конец предателя – смерть.

Но даже последние слова юноши не испугали Ка, потому что у него был до смешного писклявый голос. Они пошли вдоль железной дороги, миновали зернохранилище и повернули на улицу Яхнилер, которая была рядом с армейскими казармами. Тут писклявый юноша показал Ка дом, куда ему надо было войти, и объяснил, в какой звонок позвонить.

– Веди себя с Учителем уважительно! – сказал он. – Не перебивай его, а как разговор закончится, немедленно уходи.

Так Ка узнал, что еще одно прозвище Ладживерта среди его почитателей – Учитель. Вообще-то, Ка знал о Ладживерте только то, что он известный исламист. В турецких газетах, попадавших к нему в руки в Германии, он читал, что тот много лет назад оказался причастен к одному громкому преступлению. Исламистов, которые убивали людей, было много, но ни один из них не стал знаменитостью. Ладживерт прославился благодаря тому, что он, как считалось, убил ведущего интеллектуальной игры с денежным призом, шедшей на одном из мелких телевизионных каналов, – кричаще одетого женоподобного хлыща, который постоянно унижал «невежд» пошлыми и тривиальными шутками. Этот язвительный ведущий по имени Гюнер Бенер, с лицом в родинках, во время одной из передач в прямом эфире потешался над глуповатым и бедным участником игры и случайно сказал неподобающие слова о пророке Мухаммеде, а когда эта шутка, разгневавшая нескольких набожных людей, в полудреме смотревших программу, уже почти забылась, Ладживерт написал во все газеты Стамбула письмо, в котором пригрозил, что, если ведущий не покается и не извинится, причем в своей же программе, он его убьет. Стамбульская пресса, привыкшая к таким угрозам, может быть, и не обратила бы никакого внимания на это письмо, но маленький телевизионный канал, проводивший провокационную антиклерикальную политику, пригласил Ладживерта в свою программу, чтобы продемонстрировать общественному мнению, как распоясались эти вооруженные исламисты, и тот

повторил свои угрозы в эфире, усилив их; после успеха этой программы он стал появляться и на других телевизионных каналах, где его представляли в роли «остервенелого исламиста с большим ножом». Затем прокуратура объявила Ладживерта в розыск по обвинению в угрозе убийством, и, прославившись, он начал скрываться, а Гюнер Бенер, увидев, что этот случай пробудил интерес общественности, в своем ежедневном прямом эфире выступил с неожиданным вызовом, сказав, что «не боится ненормальных реакционеров – врагов Ататюрка и республики», и через день был задушен цветным галстуком с узором в виде пляжных мячиков, который надевал на передачу, в номере люкс одного отеля в Измире, куда приехал на съемки. Несмотря на то что Ладживерт утверждал, что в тот день и час он был в Манисе, где выступал с лекцией в поддержку девушек, которые носят платки, он продолжал убегать и скрываться от журналистов, прославивших его на всю страну. Часть исламистской прессы, впрочем, напала на Ладживерта не меньше, чем пресса светская, предъявляя ему обвинения в том, что он создает политическому исламу кровавую репутацию, стал игрушкой в руках светских СМИ, наслаждается интересом со стороны журналистов и своей славой, что вовсе не подобает истинному исламисту, и вообще является агентом ЦРУ. По этой причине Ладживерт надолго исчез из виду. В кругах исламистов распространились слухи, что в это время он героически сражался против сербов в Боснии и против русских в Грозном, но были и те, кто говорил, что все это неправда.

Те, кто интересуется, что обо всем этом думал сам Ладживерт, могут заглянуть в тридцать пятую главу нашей книги, озаглавленную «Я не являюсь ничьим агентом» (подзаголовок «Ка и Ладживерт в камере»), и почитать его краткую автобиографию, которая начинается словами «двадцатого февраля, в тот день, когда идет речь о моей казни», но я не уверен и в том, что все, что говорит там наш герой, – правда. Причиной тому, что о Ладживерте говорилось много лжи и многие слухи превратились в своего рода легенды, была окружавшая его загадочная атмосфера. А молчание, за которым он хотел спрятаться впоследствии, можно толковать также как признание Ладживертом правоты тех исламистов, осуждавших способ, которым он добился славы, и придерживались мнения, что мусульманин не должен так часто появляться в светской сионистской буржуазной прессе, впрочем, как вы увидите из нашего рассказа, Ладживерт все-таки любил общаться с журналистами.

Слухи о том, зачем он приехал в Карс, по большей части не сходились друг с другом – так нередко бывает со слухами, мгновенно разлетающимися по маленьким городкам. Некоторые говорили, что Ладживерт приехал, чтобы сберечь низовую структуру и обеспечить сохранность некоторых секретов одной исламистской курдской организации, руководство которой было разгромлено властями в Диярбакире, но у организации, о которой шла речь, в Карсе фактически не было других последователей, кроме одного-двух фанатиков. Поборники мира и доброй воли с обеих сторон предполагали, что он приехал для того, чтобы положить конец войне, разгоравшейся в последнее время между курдскими национал-марксистами и курдами-исламистами. Трения между ними, начавшиеся со словесных перепалок, брани, драк и уличных столкновений, во многих городах переросли в резню и поножовщину, а в последние месяцы стороны стали расстреливать друг друга, а также похищать людей и допрашивать их с применением пыток (обе стороны применяли такие методы: капали на кожу расплавленный нейлон или сдавливали мошонку), а после допросов – душить. Говорилось также, что Ладживерт, путешествуя из городка в городок, взял на себя миссию тайного примирителя, чтобы положить конец этой войне, которую очень многие считали выгодной властям, однако, как полагали его враги, темные пятна в его прошлом и молодой возраст не подходили для этой трудной и почетной миссии. Молодые исламисты распространяли слухи о том, что он приехал в Карс, чтобы прикончить диджея и «блестящего» ведущего телевизионного канала «Серхат», любителя кричаще одеваться и отпускать шуточки (пусть и тщательно закамуфлированные) в адрес религии; вот почему этот ведущий по имени Хакан Озге, азербайджанец по происхож-

дению, в своих последних программах начал то и дело говорить об Аллахе и напоминать о времени намаза. Были и те, кто думал, что Ладживерт связывает Турцию с международной исламистской террористической сетью. Органам безопасности Карса сообщали даже, что эта организация, имеющая поддержку в Саудовской Аравии, планировала в качестве акции устрашения убить нескольких женщин из тех тысяч, что приезжали в Турцию из республик бывшего Советского Союза работать проститутками. Ладживерт не пытался опровергать подобные утверждения, как и разговоры о том, что он приехал ради женщин-самоубийц, девушек в платках или выборов мэра. Он ничего не отвечал на упреки в том, что нигде не появляется, и это усиливало окружающую его таинственную атмосферу, которая так нравилась молодым людям из училища имамов-хатибов. Он не показывался на улицах Карса не только потому, что боялся попасть в руки полиции, но и для того, чтобы не развеять эту атмосферу, поэтому и возникали сомнения, в городе он или нет.

Ка позвонил в звонок, на который ему указал юноша в красной тюбетейке, и, когда невысокий человек, открывший дверь квартиры, пригласил его войти, он сразу понял, что это был тот, кто полтора часа назад застрелил директора педагогического института в кондитерской «Новая жизнь». Сердце у него заколотилось, как только он увидел этого человека.

– Извините, – сказал невысокий человечек, подняв руки вверх так, что видны были ладони. – За последние два года нашего Учителя три раза пытались убить, я вас обещаю.

По привычке, оставшейся с университетских лет, Ка поднял руки, чтобы его обыскали. Когда маленький человечек маленькими руками внимательно ощупывал его рубашку на груди и за спиной в поисках оружия, Ка испугался, что тот заметит, как сильно бьется у него сердце. Сердце сразу забилося ровно, когда Ка понял, что ошибся. Нет, этот человек вовсе не был убийцей директора педагогического института. Этот приятный мужчина средних лет, похожий на Эдварда Г. Робинсона, выглядел недостаточно решительным и крепким, чтобы кого-нибудь убить.

Заплакал маленький ребенок, затем послышался мягкий голос матери, успокаивавшей его.

– Мне снять обувь? – спросил Ка и, не дожидаясь ответа, начал снимать ботинки.

– Мы здесь гости, – сказал в тот же миг какой-то голос. – Не хотим утруждать наших хозяев.

Тогда Ка заметил, что на маленьком диване сидит другой человек. Он понял, что это Ладживерт, но подспудно продолжал сомневаться, потому что приготовился к более впечатляющей встрече. Вслед за Ладживертом он вошел в бедную комнату с включенным черно-белым телевизором. В комнате был маленький ребенок, он засунул ручонку в рот до самого запястья и с очень серьезным и довольным видом наблюдал за своей матерью, которая, говоря что-то нежное по-курдски, меняла ему пеленку; сначала он уставился на Ладживерта, а затем на идущего следом Ка. Коридора не было, как в старых русских домах: они тут же перешли во вторую комнату.

Все мысли Ка были заняты Ладживертом. Он увидел кровать, застланную с военной строгостью, аккуратно сложенную на краю подушки синюю в полоску пижаму, пепельницу с надписью «Эрсин электрик», календарь с видом Венеции на стене, большое окно с открытыми створками, обращенное на печальные огни заснеженного Карса. Закрыв окно, Ладживерт повернулся к Ка.

Его глаза были голубого, даже почти лазоревого цвета³¹, невероятно редкого для турка. У него были светло-каштановые волосы и не было бороды, он был гораздо моложе, чем Ка себе представлял, кожа его была удивительно бледной, а нос с горбинкой. Он выглядел невероятно красивым. В нем чувствовалась притягательная сила, происходившая от доверия, которое к

³¹ Ладживерт – дословно: «ярко-синий», «лазоревый».

нему испытывали. В его облике, манере держаться не было ничего от бородатого провинциального поборника шариата, с четками в одной руке и оружием в другой, как изображала его светская пресса.

– Не снимайте пальто, пока печь не согреет комнату. Красивое пальто. Где вы его купили?

– Во Франкфурте.

– Франкфурт... Франкфурт, – проговорил Ладживерт и, вперив взгляд в потолок, погрузился в свои мысли.

Он сказал, что «некогда» был осужден по 163-й статье за то, что распространял идеи о создании государственного строя, основанного на шариатском праве, и поэтому бежал в Германию.

Наступила тишина. Ка чувствовал, что нужно что-то сказать, чтобы проявить дружеское расположение, и волновался, потому что ему ничего не приходило в голову. Он почувствовал, что Ладживерт говорил, чтобы успокоить его.

– В каком бы городе Германии я ни был и в какую бы мусульманскую организацию ни пошел, где бы ни оказался – во Франкфурте, в Кёльне между собором и вокзалом или в богатых кварталах Гамбурга, – через некоторое время я мысленно выделял какого-нибудь немца, которого встречал по дороге, и сосредотачивался на нем. Важным для меня было не то, что я думал о нем; я пытался разгадать, что он думает обо мне, посмотреть его глазами на мою одежду, мои движения, мою походку, мою историю, на то, откуда я пришел и куда иду, кто я. Грязное это было чувство, но я привык; я не унижался: я понимал, как унижаются мои братья... Чаше всего европейцы не унижают. Мы наблюдаем за ними и унижаем себя сами. Эмигрируют не для того, чтобы убежать от домашних проблем, а для того, чтобы добраться до глубин своей души. И однажды непременно возвращаются назад, чтобы защитить тех, кто не смог уехать, потому что не нашел в себе смелости, и тех, кто участвовал в содеянном. Ты почему приехал?

Ка молчал. Его беспокоили простота и бедность комнаты, некрашенные стены с осыпавшейся штукатуркой, слепивший глаза яркий свет лампы без абажура, висевшей на потолке.

– Я не хочу беспокоить тебя надоедливыми вопросами, – сказал Ладживерт. – Покойный мулла Касым Ансари чужакам, прибывшим навестить его туда, где на реке Тигр располагалось на ночлег его племя, прежде всего говорил так: «Я, конечно, рад с вами познакомиться, но интересно, на кого вы шпионите?»

– На газету «Джумхуриет», – ответил Ка.

– Это я знаю. Но мне ужасно любопытно, с чего это они так заинтересовались Карсом, что прислали сюда корреспондента.

– Я вызвался добровольно, – сказал Ка. – К тому же я слышал, что здесь мой старый друг Мухтар и его жена.

– Разве ты не знал, что они уже развелись? – поправил его Ладживерт, внимательно глядя в глаза Ка.

– Я знал, – сказал Ка, густо покраснев. Внезапно он почувствовал ненависть к Ладживерту, решив, что тот догадывается, о чем Ка думает.

– В управлении Мухтара избили?

– Избили.

– Он заслужил побои? – странно спросил Ладживерт.

– Нет, конечно же не заслужил, – взволнованно ответил Ка.

– А тебя почему не избили? Ты собой доволен?

– Я не знаю, почему меня не избили.

– Нет, знаешь. Ты – стамбульский буржуа, – ответил Ладживерт. – Это сразу понятно по цвету твоей кожи, по твоему взгляду. Непременно наверху есть влиятельные знакомые – как бы чего не вышло, решили там. А у Мухтара, понятно, таких связей, такой силы нет, и они это знают. Мухтар, вообще-то, пошел в политику, чтобы стать таким же благонадежным, как ты.

Но даже если он и выиграет выборы, для того чтобы сесть в кресло мэра, ему нужно доказать, что он из тех, кто сможет вынести побои от властей. Поэтому он даже доволен, что его избили.

Ладживерт совсем не улыбался, на его лице было грустное выражение.

– Никто не может быть доволен тем, что его бьют, – сказал Ка и почувствовал себя заурядным и поверхностным человеком в сравнении с Ладживертом.

У Ладживерта на лице появилось такое выражение, словно он хотел сказать: «Давай поговорим о нашем главном деле».

– Ты встречался с родными девушек-самоубийц, – сказал он. – Зачем ты с ними разговаривал?

– Затем, что я, может быть, напишу об этом статью.

– В западных газетах?

– В западных газетах, – внезапно ответил Ка с приятным чувством превосходства. Между тем у него не было знакомых, которые могли бы помочь опубликовать его статью в немецкой газете. – А в Турции – в «Джумхуриет», – добавил он, смутившись.

– Турецким газетам, пока этим не заинтересуются европейцы, безразличны нищета и страдания собственного народа, – произнес Ладживерт. – Они ведут себя так, как будто о бедности, о самоубийствах говорить стыдно, как будто это вчерашний день. Тебе придется опубликовать свою статью в Европе. Поэтому я и захотел встретиться с тобой: смотри, ни в Турции, ни за рубежом не пиши о девушках-самоубийцах! Самоубийство – большой грех! Если к этому проявляют интерес, болезнь распространяется! И даже слухи о том, что последняя девушка, совершившая самоубийство, была мусульманкой, «упрямо желавшей носить платок», будут смертоноснее, чем яд.

– Но это правда, – сказал Ка. – Перед тем как покончить с собой, она совершила омовение и намаз. Говорят, что ее подруги, не желающие снять платок, сейчас испытывают к ней большое уважение.

– Покончившая с собой – даже не мусульманка! – сказал Ладживерт. – И то, что они борются за платок, не может быть правдой. Если ты распространишь эту ложь, разойдется слух о том, что она испугалась давления полиции и родителей, побоялась оказаться среди тех несчастных, которые носят парик, и в числе оставленных на второй год. Ты для этого сюда приехал? Не подстрекай никого к самоубийству. Эти студентки из-за любви к Аллаху оказались между учебой и семьей, они несчастны и одиноки и поэтому сразу начнут подражать этой мученице-самоубийце.

– Заместитель губернатора тоже сказал мне, что я преувеличиваю значение самоубийств в Карсе.

– Зачем ты встречался с заместителем губернатора?

– Я и с полицией встречался, чтобы меня не беспокоили все время.

– Они будут довольны статьей под названием «Девушки в платках, выгнанные с занятий, сводят счеты с жизнью»! – воскликнул Ладживерт.

– Я напишу о том, что узнал, – сказал Ка.

– Ты сейчас противостояшь не только губернатору, государственному человеку светских нравов, но и мне. К тому же ты хочешь дать мне понять, что и светский губернатор, и исламисты не хотят, чтобы писали о девушках-самоубийцах.

– Да.

– Та девушка покончила с собой не из-за того, что ее не пускали учиться, а из-за несчастной любви. Если ты напишешь, что это было рядовое любовное самоубийство, что она совершила грех, на тебя очень рассердятся молодые исламисты из училища имамов-хатибов. Карс – маленький город.

– Я хочу спросить об этом у других девушек.

– Очень хорошо сделаешь! – сказал Ладживерт. – Ну-ка, давай спроси у девушек, хотя бы они, чтобы в немецкой газете написали, что они умирают как грешницы, покончив с собой из страха перед тем, что с ними произойдет, если они будут упорно носить платок, выполняя волю Аллаха.

– Спрошу! – ответил Ка упрямо и тем не менее испуганно.

– Я позвал тебя, чтобы сказать еще одну вещь, – сказал Ладживерт. – Только что на твоих глазах был убит директор педагогического института... Это результат гнева мусульман в ответ на притеснения девушек в платках. Но этот случай – провокация властей. Сначала они использовали бедного директора для издевательств над мусульманами, а потом позволили какому-то сумасшедшему его убить, чтобы обвинить мусульман.

– Вы осуждаете это событие или воспринимаете его как должное? – спросил Ка с внимательностью журналиста.

– Я приехал в Карс не ради политики, – ответил Ладживерт. – Я приехал для того, чтобы остановить самоубийства. – Внезапно он схватил Ка за плечи, притянул к себе и поцеловал в обе щеки. – Ты скромный человек, отдавший годы тяжелому труду поэзии. Ты не можешь быть орудием тех, кто хочет навредить мусульманам и угнетенным. Как я тебе доверился, так и ты мне доверился, придя сюда под снегом. Чтобы отблагодарить тебя, я расскажу поучительный рассказ. – Он полушутя-полусерьезно посмотрел Ка в глаза. – Рассказать?

– Расскажите.

– Говорят, в очень давние времена в Иране жил великий герой, неутомимый воин. Его знали и любили все. Сегодня мы зовем его Рустем, как и те, кто его любил. Однажды Рустем охотился и сбился с пути, а ночью, пока спал, потерял и своего коня Ракша. Сказав себе, что найдет своего коня, он пошел в земли врагов, в Туран. Слава о нем летела быстрее, чем он шел, его узнавали и встречали приветливо. Шах Турана принял его как гостя и устроил пир. После пира, когда он прошел в комнату, приготовленную для него, туда вошла дочь шаха и призналась Рустему в любви. И сказала, что хочет от него сына. Она очаровала его своими речами и красотой; они возлегли. Утром Рустем оставил для ребенка, будущего ребенка, свой браслет и вернулся на родину. Родившегося назвали Сухраб, мы тоже его так назовем, через много лет он узнал от своей матери, что его отец – легендарный Рустем, и сказал так: «Я отправлюсь в Иран, прогоню с трона тирана Кейкавуса, шаха Ирана, а на его место посажу своего отца... А затем вернусь сюда, в Туран, прогоню с трона тирана Эфрасиаба, шаха Турана, и сам займу его место! Тогда мой отец Рустем и я будем справедливо управлять Ираном и Тураном, то есть всем миром». Так сказал простодушный и добрый Сухраб, но он не знал, что враги хитрее и коварнее его. Шах Турана Эфрасиаб, хотя и знал о его намерениях, оказал ему поддержку, потому что воевал с Ираном, но к войску приставили шпионов, чтобы Сухраб не узнал своего отца. После обмана врагов, игры злой судьбы и случайных событий, предопределенных Всевышним Аллахом, легендарный Рустем и его сын Сухраб со своими войсками сошлись на поле боя, не узнав друг друга, потому что были в доспехах. Рустем всегда скрывал, кто он, чтобы воин, сражающийся с ним, не бился в полную силу. Наивный, как ребенок, Сухраб не видел перед глазами ничего, кроме своего отца на троне, вообще не обращал внимания, с кем сражается. Так два добрых, великих воина, отец и сын, ринувшись вперед, вытащили мечи на глазах у своих войск.

Ладживерт замолчал. Не глядя в глаза Ка, он сказал, как ребенок:

– Хотя я читал этот рассказ сотни раз, всегда, когда дохожу до этого места, меня охватывает ужас. Не могу понять, почему я каждый раз отождествляю себя с Сухрабом, который вот-вот убьет отца. Кто хочет убить своего отца? Чья душа может вынести боль такого преступления, груз подобного греха? И уж в особенности такой наивный, как ребенок, Сухраб, с кем я себя отождествляю. Тогда самый лучший способ убить своего отца – убить, не осознавая этого.

Пока я так размышляю, два воина в доспехах вступают в бой и после многочасовой схватки отступают, обливаясь потом и кровью, не сумев одолеть друг друга. Когда я, как и Сухраб, думаю о его отце и читаю продолжение рассказа, я волнуюсь каждый раз, будто читаю это впервые, и с надеждой представляю себе, как ночью этого первого дня отец и сын, не сумевшие одолеть друг друга, каким-то образом друг друга узнают.

На второй день войска выстраиваются вновь, вновь отец и сын бросаются вперед и безжалостно сражаются. После долгой схватки в тот день удача улыбается Сухрабу (удача ли это?) – он, сбив с лошади Рустема, повергает его наземь. Выхватив кинжал, он вот-вот нанесет своему отцу смертельный удар, как вдруг кто-то говорит: «В Иране не принято в первом сражении убивать побежденного врага. Не убивай его, зрелые воины так не поступают». И Сухраб не убил своего отца.

Когда я читаю это место, я всегда расстраиваюсь. Потому что я полон любви к Сухрабу. Какой смысл в такой судьбе, уготованной Аллахом отцу и сыну? На третий день схватка, о которой я рассказывал, заканчивается совсем не так, как я ожидал. Рустем сбивает Сухраба с ног и, одним махом вонзив свой меч ему в грудь, убивает. Поражает стремительность происшедшего и ужас содеянного. Узнав браслет, Рустем понимает, что убил своего сына, падает на колени, обнимает окровавленное тело и плачет.

В этом месте рассказа я тоже каждый раз плачу: не столько потому, что разделяю горечь Рустема, сколько потому, что понимаю, что означает смерть бедного Сухраба, убитого собственным отцом и действовавшего ради любви к своему отцу. В этом месте мое восхищение любовью по-детски доброго Сухраба к отцу сменяется глубоким и зрелым чувством жалости к Рустему, связанному обычаями и правилами. По ходу рассказа любовь и восхищение, которые вызывал у меня мятежный и своевольный Сухраб, переходят на могучего Рустема, которого связывало чувство долга.

Ладживерт замолчал, и Ка позавидовал тому, что он может рассказывать историю с таким убеждением.

– Но эту прекрасную историю я поведал тебе не для того, чтобы продемонстрировать, как я с ее помощью истолковываю свою жизнь, а для того, чтобы сказать, что ее забыли, – сказал Ладживерт. – Этому рассказу из «Шахнаме» Фирдоуси по меньшей мере тысяча лет. Когда-то миллионы людей от Тебриза до Стамбула, от Боснии до Трабзона знали эту легенду и, вспоминая ее, осознавали смысл своей жизни. Как те, кто сегодня на Западе думает об отцеубийстве, описанном у Эдипа, и предается навязчивой идее Макбета о троне и смерти. Но сейчас все забыли эту историю из-за того, что преклоняются перед Западом. Старые рассказы исключили из учебников. Сейчас в Стамбуле даже нет книжного магазина, где можно купить «Шахнаме»! Почему?

Они немного помолчали.

– Знаю, о чем ты думаешь, – проговорил Ладживерт. – Разве человек убьет другого человека ради красивой истории? Разве не так?

– Я не знаю, – ответил Ка.

– Тогда подумай, – сказал Ладживерт и вышел из комнаты.

9

Простите, вы атеист?

Безбожник, не желавший себя убивать

Ладживерт неожиданно вышел из комнаты, и Ка на какое-то время охватила нерешительность. Сначала он подумал, что Ладживерт сразу вернется; вернется для того, чтобы спросить у Ка о том, о чем он предложил ему подумать. Но затем он понял, что это не так: ему что-то сообщили, но в вычурной и странной форме. Была ли это угроза?

Однако Ка не чувствовал, что в этом доме ему грозит опасность, скорее ощущал себя чужим. В соседней комнате уже не было матери с ребенком; не замеченный никем, он вышел на улицу. Ему вдруг захотелось спуститься по лестнице бегом.

Снег шел так медленно, что, казалось, снежинки повисли в воздухе. Эта замедленность создавала впечатление, что время остановилось, и почему-то вселяла в Ка ощущение, что прошло много времени и многое изменилось, хотя встреча с Ладживертом и заняла только двадцать минут.

Он вернулся на вокзал тем же путем, которым пришел, пройдя вдоль железной дороги и мимо зернохранилища, которое под снегом напоминало огромную белую тень. Когда он проходил по грязному и пустому вокзалу, к нему подошел пес, дружески помахивая хвостом-колечком. Пес был черный, но на лбу у него было совершенно круглое белое пятно. Ка увидел в зале ожидания троих парней, кормивших пса бубликом. Один из них был Неджип, он прежде своих товарищей подбежал к Ка.

– Пожалуйста, не говорите моим школьным друзьям, откуда я знал, что встречу вас здесь, – сказал он. – Мой самый близкий друг хочет задать вам один очень важный вопрос. Если у вас есть время, если бы вы уделили одну минуту Фазылу, он был бы счастлив.

– Хорошо, – ответил Ка и пошел прямо к скамейке, на которой сидели двое юношей.

Пока на плакатах за их спинами Ататюрк напоминал о важности железных дорог, а государство пугало девушек, желающих покончить с собой, молодые люди поднялись и пожали Ка руку. Они явно были смущены.

– До того как Фазыл задаст свой вопрос, Месут расскажет историю, которую слышал сам, – сказал Неджип.

– Нет, я не расскажу, – волнуясь, отозвался Месут. – Пожалуйста, расскажи за меня.

Ка, слушая рассказ Неджипа, наблюдал за черным псом, радостно носившимся по пустому, грязному и полутемному зданию вокзала.

– История произошла в стамбульском училище имамов-хатибов, как я слышал, – начал Неджип. – Директор этого училища, расположенного в окраинном квартале, пошел по делам службы в один из недавно построенных в Стамбуле небоскребов, которые мы видели по телевизору. Он зашел в большой лифт и начал подниматься вверх. В лифте к нему обратился высокий человек моложе его, показал ему книгу, которую держал в руках, вытащил из кармана нож с перламутровой ручкой, чтобы разрезать страницы, и что-то сказал. Когда лифт доехал до девятнадцатого этажа, директор вышел. Но в последующие дни он начал странно себя чувствовать. Он стал бояться смерти, ему не хотелось ничего делать, он все время думал о человеке в лифте. Он был очень набожным и отправился в обитель ордена Джеррахи, чтобы найти средство от своих страданий. Один известный шейх, до самого утра слушавший рассказ о его переживаниях, как больному, поставил диагноз: «Ты утратил веру в Аллаха и к тому же, хоть и не замечаешь этого, этим гордишься! Этот недуг перешел к тебе от человека в лифте. Ты

стал атеистом». Директор вздумал было со слезами на глазах отрицать это, но в глубине души честно признал, что слова достопочтенного шейха были правдой. Он поймал себя на мысли, что уже давно пристаёт к маленьким красивым ученикам, пытается остаться наедине с их матерями, ворует деньги у одного из учителей, которому завидует. К тому же директор гордился, что грешит: собрав всю школу, он говорил, что все дозволено, что люди из-за слепых суеверий и глупых обычаев не так свободны, как он, вставлял множество европейских слов в свою речь, на ворованные деньги покупал и носил самую модную европейскую одежду. Все это он делал с таким видом, будто всех презирает и считает отсталыми. А ученики его училища изнасиловали своего красивого одноклассника, избили пожилого преподавателя Корана, появились случаи неповиновения. Директор плакал у себя дома и хотел покончить с собой, но не осмеливался сделать это и ждал, что его убьют другие. С этой целью в присутствии самых набожных учеников школы он оскорблял великого пророка (да простит меня Аллах!). Но его не тронули, решив, что он сошел с ума. Он вышел на улицу и начал говорить, что Аллаха не существует (да простит меня Аллах!), что нужно мечети переделать в дискотеки и что все мы разбогатеет, как европейцы, только если станем христианами. Молодые исламисты хотели убить его, но он спрятался. Не найдя выхода своему желанию убить себя и освободиться от чувства безнадежности, он вернулся в тот же небоскреб и в лифте встретился с тем же высоким человеком. Тот улыбнулся ему, дав понять, что знает обо всем, что случилось, и показал обложку книги, которая была у него в руках, – оказывается, средство от атеизма заключалось в ней. Директор дрожащими руками потянулся к книге, но высокий человек, перед тем как лифт остановился, вонзил в сердце директору нож для разрезания бумаги с перламутровой ручкой.

Ка вспомнил, что похожую историю слышал от турок-исламистов в Германии. Загадочная книга из рассказа Неджипа так и осталась неизвестной, но Месут наряду с именами нескольких еврейских писателей, о которых Ка никогда не слышал, способных подтолкнуть людей к атеизму, вспомнил имена нескольких журналистов из числа главных врагов исламизма (один из которых будет убит спустя три года).

– Обольщенные дьяволом атеисты, как и несчастный директор, бродят среди нас в поисках счастья и покоя, – сказал Месут. – Вы согласны с этим?

– Не знаю.

– Как это вы не знаете? – спросил Месут, слегка рассердившись. – Вы сами разве не атеист?

– Не знаю, – ответил Ка.

– Скажите мне тогда: верите ли вы, что весь этот мир, этот снег, хлопьями падающий на улице, все создал Всевышний Аллах, или нет?

– Снег напоминает мне о Боге, – сказал Ка.

– Да, но вы верите, что снег создал Аллах? – настойчиво спросил Месут.

Наступила пауза. Ка увидел, что черный пес выскочил в дверь на платформу и радостно носится под снегом в бледном свете неоновых фонарей.

– Ты не можешь ответить, – сказал Месут. – Если человек знает и любит Аллаха, он никогда не сомневается в Его существовании. И это означает, что ты атеист, но не можешь в этом признаться, потому что стыдишься. Вообще-то, мы это знали. А я, от имени Фазыла, хочу спросить вот о чем: страдаешь ли ты, как несчастный атеист в этом рассказе? Хочешь ли ты убить себя?

– Как бы я ни страдал, я боюсь самоубийства, – ответил Ка.

– По какой причине? – спросил Фазыл. – Из-за того, что это запрещают власти, поскольку человек – высшее существо? Они неверно говорят, утверждая, что человек – это шедевр Аллаха. Скажите, пожалуйста, почему вы боитесь самоубийства.

– Будьте снисходительны к настойчивости моего друга, – сказал Неджип. – Этот вопрос для Фазыла имеет особый смысл.

– То есть ты не хочешь убить себя из-за того, что жизнь твоя лишена покоя и счастья? – спросил Фазыл.

– Нет, – ответил Ка раздраженно.

– Пожалуйста, не надо все скрывать от нас, – проговорил Месут. – Мы не причиним вам вреда из-за того, что вы атеист.

Наступило напряженное молчание. Ка поднялся. Он вовсе не хотел, чтобы все видели, что его охватил страх. Он зашагал прочь.

– Вы уходите? Подождите, пожалуйста, не уходите, – сказал Фазыл.

Ка остановился и замер, ничего не говоря.

– Я расскажу вместо него, – сказал Неджип. – Мы все трое влюблены в «девушек в платках», которые жертвуют жизнью ради своей веры. Это светская пресса их так называет – «девушки в платках». Для нас они – девушки-мусульманки, а все девушки-мусульманки должны быть готовы отдать жизнь за свою веру.

– И мужчины тоже, – сказал Фазыл.

– Конечно, – ответил Неджип. – Я люблю Хиджран, Месут любит Ханде, Фазыл был влюблен в Теслиме, но Теслиме умерла. Точнее, покончила с собой. Но мы не верим, что девушка-мусульманка, готовая пожертвовать жизнью ради веры, могла покончить с собой.

– Может быть, страдания, которые она испытывала, оказались для нее невыносимыми, – сказал Ка. – А семья требовала, чтобы она сняла платок, и из института ее выгнали.

– Никакое принуждение не может заставить истинно верующего человека совершить самоубийство, – взволнованно сказал Неджип. – Мы не можем заснуть по ночам, переживая, что совершим грех, опоздав на утренний намаз. Каждый раз мы бежим в мечеть в самую рань. Человек, который так истово верит, сделает все, чтобы не совершить греха, и, если надо, согласится даже на то, чтобы с него заживо содрали кожу.

– Мы знаем, вы встречались с семьей Теслиме, – выпалил Фазыл. – Они верят, что она сама покончила с собой?

– Верят. Сначала она смотрела с родителями «Марианну», затем совершила омовение и намаз.

– Теслиме никогда не смотрела сериалы, – тихо сказал Фазыл.

– Вы были с ней знакомы? – спросил Ка.

– Я никогда не был с ней знаком, мы никогда не разговаривали, – сказал, смущаясь, Фазыл. – Один раз я видел ее издалека, она была полностью закрыта. Но духовно я, конечно же, знаю ее: человек знает того, кого любит больше всего. Я понимал ее, как себя. Теслиме, которую я знал, не могла совершить самоубийство.

– Может быть, вы не знали ее в достаточной степени.

– А может быть, тебя сюда прислали европейцы, чтобы ты прикрыл убийцу Теслиме, – нахально сказал Месут.

– Нет-нет, – проговорил Неджип. – Мы вам доверяем. Наши преподаватели сказали, что вы – бедный и скромный человек, поэт. Мы захотели вас спросить о том, что огорчает нас больше всего, потому что мы вам доверяем. Фазыл просит у вас за Месута прощения.

– Прошу прощения, – сказал Фазыл. Лицо у него стало совсем красным. На глазах вдруг показались слезы.

Месут молча отказался мириться.

– Мы с Фазылом как братья, – сказал Неджип. – Мы часто одновременно думаем об одном и том же, мы оба знаем, что думает каждый из нас. В противоположность мне Фазыл совершенно не интересуется политикой. А сейчас у него и у меня есть к вам просьба. На самом деле мы оба не верим в то, что Теслиме покончила с собой, совершив грех из-за давления со стороны родителей и властей. Это очень горько, но Фазыл иногда думает: «Девушка, которую я любил, совершила грех и убила себя». Но если Теслиме на самом деле была тайной атеисткой,

несчастной атеисткой, которая не знает, что она атеистка, как в рассказе, и если она покончила с собой, потому что была атеисткой, это будет катастрофой для Фазыла. Тогда это будет означать, что он был влюблен в атеистку. Только вы можете разрешить наши сомнения, только вы можете успокоить Фазыла. Вы поняли, что мы имеем в виду?

– Вы – атеист? – спросил Фазыл, глядя умоляюще. – Если атеист, хочется ли вам убить себя?

– Даже в те дни, когда я был больше всего уверен, что я – атеист, я всерьез никогда не думал о самоубийстве, – ответил Ка.

– Большое спасибо, что вы честно ответили нам, – сказал Фазыл, успокоившись. – У вас доброе сердце, но вы боитесь верить в Аллаха.

Ка увидел, что Месут смотрит на него враждебно, и захотел уйти. Но его мысли словно застыли. Он ощущал, что глубоко внутри его трепещет какое-то желание и связанное с ним видение, но из-за того, что вокруг что-то происходило, он не мог сосредоточиться на этом видении. Позже он будет вспоминать об этих минутах и поймет, что это состояние было взлелеяно тоской по Ипек, такой тоской, что можно было умереть и утратить веру в Аллаха.

– Пожалуйста, не поймите нас неправильно, – сказал Неджип. – Мы не против, чтобы кто-нибудь был атеистом. В исламском обществе всегда были атеисты.

Месут добавил:

– Но кладбища должны быть отдельными. Души мусульман будут беспокойны, если рядом с ними на одном кладбище будут лежать безбожники. Некоторые атеисты не могут верить в Аллаха, но с успехом скрывают это на протяжении всей жизни и не только лишают верующих покоя в этом мире, но и тревожат после смерти. Будто нам мало мучений из-за того, что до Судного дня мы лежим с ними на одном кладбище, так еще и в Судный день, когда мы все встанем с ними на одном кладбище, испытаем отвращение от того, что увидим перед собой злополучных атеистов... Поэт Ка-бей, вы уже не скрываете, что когда-то были атеистом. Может быть, вы все еще им остаетесь. Скажите тогда, кто заставляет идти этот снег, какая тайна кроется в этом снеге?

Все они посмотрели из пустого здания вокзала на улицу, на снег, падающий в свете неоновых фонарей на пустые рельсы.

«Что я делаю в этом мире? – подумал Ка. – Какими жалкими кажутся снежинки изда- лека, какая жалкая моя жизнь. Человек живет, изнашивается, исчезает». Ему казалось, что он и существует, и нет: он любил себя и с любовью и грустью следовал путем, по которому, как снежинка, летела его жизнь. Он вспоминал запах, который появлялся, когда брился его отец. Замерзающие в тапках ноги матери, готовившей на кухне завтрак, пока он вдыхал этот запах, щетку для волос, сладкий розовый сироп от кашля, которым его поили, когда он ночью про- сыпался, закашлявшись, ложку у себя во рту, – все эти мелочи, составлявшие жизнь, единство всего, снежинку.

Так Ка слышал тот зов, который слышали настоящие поэты, умевшие быть счастливыми только в моменты вдохновения. Так, впервые за четыре года, у него в голове появилось стихо- творение: он был так уверен в существовании стихотворения, в его настроении и манере, что сердце его наполнилось счастьем. Сказав молодым людям, что торопится, он вышел из пустого полутемного здания вокзала. Размышляя под падающим снегом о стихотворении, которое напишет, Ка быстро вернулся в отель.

10

Почему это стихотворение красиво?

Снег и счастье

Войдя в свой номер, Ка быстро снял пальто, открыл тетрадь в клеточку в зеленой обложке, купленную во Франкфурте, и стал записывать стихотворение, рождавшееся в его голове, слово за словом. Он чувствовал себя спокойно, словно записывал слова, которые ему шептал на ухо кто-то другой, однако, не отвлекаясь, отдавался тому, что писал. Раньше ему не случалось сочинять стихи с таким вдохновением, не останавливаясь, и поэтому теперь он немного сомневался в ценности того, что пишет. Однако по мере того, как строки появлялись, он отчетливо понимал, что это стихотворение совершенно, и это усиливало его волнение и счастье. Так, почти не останавливаясь и оставляя в некоторых местах пропуски, словно не слышав некоторых слов, Ка записал тридцать четыре строки.

Стихотворение вместило в себя все, о чем он только что думал: падающий снег, кладбище, черного пса, весело бегающего по зданию вокзала, множество детских воспоминаний и Ипек, образ которой все то время, пока он, ускоряя шаги, шел в отель, стоял перед его глазами, пробуждая в нем радостное и тревожное чувство. Он назвал стихотворение «Снег». Потом, когда он будет вспоминать, как написал его, ему представится снежинка, и он решит, что эта снежинка в каком-то смысле изображает его жизнь, а раз так, то это стихотворение должно располагаться близ центра снежинки, в месте, раскрывающем логику жизни. Трудно сказать (так же, как и об этом стихотворении), в какой мере он пришел к этим решениям в тот момент, а в какой они возникли как итог скрытой симметрии его жизни, тайны которой пытается раскрыть эта книга.

Почти закончив стихотворение, Ка подошел к окну и стал безмолвно наблюдать за элегантно планирующими огромными снежинками. Было такое чувство, что если смотреть на снег, то стихотворение будет закончено как надо. В дверь постучали, Ка открыл и тут же забыл две последние строчки, которые должны были вот-вот прийти ему в голову, чтобы никогда больше не вспомнить их в Карсе.

В дверях стояла Ипек.

– Тебе письмо, – сказала она, протянув конверт.

Ка взял письмо и, не взглянув на него, положил в сторону.

– Я очень счастлив, – сказал он. Он был уверен, что только заурядный человек может так говорить, но сейчас совершенно этого не стеснялся. – Входи, – сказал он Ипек. – Ты очень красивая.

Ипек вошла – спокойно, ведь все номера отеля были знакомы ей как собственный дом. Ка показалось, что пролетевшее время еще больше сблизило их друг с другом.

– Кажется, благодаря тебе ко мне пришло стихотворение, – сказал Ка. – Я не знаю, как это получилось.

– Говорят, директор педагогического института в тяжелом состоянии, – сказала Ипек.

– Если тот, кого считали умершим, жив – это хорошая новость.

– Полиция устраивает облавы. В университетском общежитии, в отелях. К нам тоже приходили, смотрели регистрационные книги, спросили о каждом, кто остановился в отеле.

– Что ты сказала обо мне? Ты сказала, что мы поженимся?

– Ты милый. Но я думаю не об этом. Они забрали Мухтара, избили. А затем отпустили.

– Он просил передать тебе, что готов на все, чтобы опять жениться на тебе. Он ужасно раскаивается из-за того, что требовал, чтобы ты покрывала голову.

– Вообще-то, Мухтар говорит мне это каждый день, – сказала Ипек. – Что ты делал после того, как полиция тебя отпустила?

– Я бродил по улицам... – сказал Ка в нерешительности.

– Говори.

– Меня отвели к Ладживерту. Я никому не должен об этом говорить.

– Не должен, – ответила Ипек. – А ему не должен говорить о нас, о моем отце.

– Ты с ним не знакома?

– Раньше Мухтар им восхищался, он бывал у нас дома. Но когда Мухтар решил обратиться к более демократичному и умеренному исламу, он от него отделился.

– Он приехал сюда из-за девушек, совершавших самоубийства.

– Бойся его и не разговаривай с ним, – сказала Ипек. – Есть большая вероятность, что там, где он остановился, полиция установила прослушивание.

– Тогда почему они не могут его поймать?

– Когда им понадобится, поймают.

– Давай убежим с тобой из этого Карса, – сказал Ка.

В нем усиливалось ощущение, приходившее к нему в детстве и юности в те моменты, когда он бывал очень-очень счастлив: страх, что несчастье и отчаяние ждут где-то совсем рядом.

Ка всегда хотелось в смятении оборвать такие счастливые моменты, чтобы несчастье, которое придет потом, не оказалось слишком большим. Поэтому он думал, что Ипек, которую в тот момент он обнял скорее от этого самого смятения, нежели от любви, его оттолкнет, возможность сближения между ними будет уничтожена в один миг, и, когда незаслуженное счастье завершится отказом и унижением, которые он заслужил, он успокоится.

Все произошло совсем наоборот. Ипек тоже его обняла. Наслаждаясь тем, что они держат друг друга в объятиях, они нерешительно поцеловались и упали на кровать рядом друг с другом. В этот момент Ка охватило такое острое желание, что пессимизм, только что владевший им, сменился безграничным оптимизмом, и он представил, как они снимут одежду и будут долго любить друг друга.

Но Ипек встала.

– Ты замечательный, я тоже очень хочу заняться с тобой любовью, но у меня три года никого не было, я не готова, – сказала она.

«Я тоже четыре года ни с кем не занимался любовью», – сказал Ка про себя. Он почувствовал, что Ипек прочитала это по его лицу.

– Даже если бы я была готова, – сказала Ипек, – я не могу заниматься любовью, когда мой отец так близко, в одном со мной доме.

– Тебе, чтобы раздеться и лечь со мной в постель, нужно, чтобы твой отец ушел из отеля? – спросил Ка.

– Да. Он очень редко выходит из отеля. Он не любит обледеневшие улицы Карса.

– Хорошо, давай сейчас не будем, но еще поцелуемся, – сказал Ка.

– Давай.

Ипек наклонилась к Ка, сидевшему на краю кровати, и, не позволяя ему приблизиться, очень долго и серьезно его целовала.

– Я прочитаю тебе мои стихи, – сказал Ка затем, почувствовав, что целоваться они больше не будут. – Тебе интересно?

– Прочитай сначала это письмо, его принес к дверям какой-то юноша.

Ка раскрыл письмо и прочитал вслух:

Сынок, господин Ка. Извините, что я называю Вас сынок. Вчера ночью я видел Вас во сне. В моем сне шел снег, и каждая снежинка спускалась на мир, словно луч света. Это к добру, и вот как раз после полудня тот снег, который я видел во сне, пошел за моим окном. Вы прошли мимо двери дома Вашего покорного слуги, номер 18 по улице Байтархане. Господин Мухтар, которого Всевышний Аллах подверг испытанию, рассказал мне, какое значение Вы придаете этому снегу. Наш путь общий. Я Вас жду, господин Ка. Подпись: Саадеттин Джэвхер.

– Это шейх Саадеттин, – сказала Ипек. – Немедленно иди к нему. А вечером придешь к нам, поужинаем вместе с отцом.

– Зачем мне встречаться со всеми чокнутыми в Карсе?

– Я сказала тебе, бойся Ладживерта, но не считай его сумасшедшим. А шейх – хитрый, а не глупый.

– Я хочу забыть обо всех. Прочитать тебе сейчас мое стихотворение?

– Прочитай.

Ка сел за журнальный столик и начал доверительно и взволнованно читать стихотворение, которое только что написал, но сразу остановился.

– Пересядь сюда, – сказал он Ипек. – Я хочу во время чтения видеть твое лицо.

Он вновь начал читать, краем глаза поглядывая на Ипек.

– Ну как? – через какое-то время спросил Ка.

– Красиво! – ответила Ипек.

Ка почитал еще и опять спросил:

– Красиво?

Ипек опять сказала:

– Красиво.

Закончив читать, он спросил:

– Какое место ты считаешь самым красивым?

– Не знаю, – ответила Ипек. – Но стихотворение очень красивое.

– Мухтар читал тебе такие стихи?

– Не читал.

Ка снова, волнуясь, прочитал свое стихотворение и снова в тех же самых местах спросил:

– Красиво?

И еще несколько раз:

– Не правда ли, очень красиво?

Ипек ответила:

– Да, очень.

Ка был так счастлив, что словно бы светился «приятным странным светом», как ребенок из одного его раннего стихотворения, и, видя, что часть этого света отражается в Ипек, чувствовал себя счастливым. Следуя правилам этого «момента невесомости», он вновь обнял Ипек, но та изящно высвободилась.

– Послушай меня: немедленно иди к шейху. Он здесь очень важный человек, и даже важнее, чем ты думаешь: в городе к нему многие ходят, даже люди светских взглядов. Говорят, у него бывают и командир дивизии, и жена губернатора, кое-кто из богатей и из военных. Он – сторонник официальной власти. Когда он сказал, что девушки-студентки, закрывающиеся платками, должны снять платки на занятиях, никто из Партии благоденствия и слова не молвил. В таком месте, как Карс, нельзя отказываться от приглашения столь влиятельного человека.

– Несчастливого Мухтара к нему тоже ты отправила?

– Ты что, боишься, что он, обнаружив твой внутренний страх перед Богом, запугав, сделает тебя верующим?

– Я сейчас очень счастлив, мне не нужна вера, – сказал Ка. – Я не для этого приехал в Турцию. Единственное, что может привести меня туда, – твоя любовь... Мы поженимся?

Ипек села на край кровати.

– Тогда иди туда, – проговорила она, чарующим и нежным взглядом посмотрев на Ка. – Но будь осторожен. Никто лучше его не умеет найти в душе человека уязвимое и слабое место и, подобно демону, проникнуть в душу.

– Что он мне сделает?

– Он будет разговаривать с тобой и внезапно падет перед тобой ниц. Он будет утверждать, что в обычных словах, сказанных тобой, содержится великая мудрость, что ты – святой. Некоторые даже сначала думают, что он над ними смеется! Но как раз в этом и заключается сила высокочтимого шейха. Он так это делает, что ты решишь, будто он и в самом деле всем сердцем верит в твою мудрость. Он будет вести себя с тобой так, будто в тебе заключен некто значительнее и важнее тебя. Через какое-то время ты сам увидишь эту свою внутреннюю красоту: ты будешь чувствовать, что красота внутри тебя – это красота Аллаха, а поскольку раньше ты этого не замечал, ты станешь счастливым. И действительно, когда ты рядом с ним, мир прекрасен. И ты полюбишь высокочтимого шейха, который дарит тебе это счастье. Все это время другая часть твоего разума будет нашептывать тебе, что все это – игра, а ты на самом деле убогий, несчастный глупец. Но насколько я поняла из слов Мухтара, у тебя уже не будет силы верить в эту убогую и дурную часть самого себя. Чувствуя себя таким жалким и несчастным, ты будешь думать, что спасет тебя только Аллах. В это время твой разум, которому не знакомы желания твоей души, еще будет слегка сопротивляться. Постепенно ты встанешь на путь, указанный тебе шейхом, и окажется, что только с его помощью ты сможешь выстоять в этом мире. Уверить убогого человека, сидящего напротив, что он на самом деле гораздо благороднее и возвышеннее, – самое большое искусство высокочтимого шейха, потому что большинство мужчин в этом городе считают, что в Турции нет никого ничтожнее, беднее и неудачливее их самих. Таким образом, в конце концов ты согласишься своему шейху, а затем согласишься и в ислам, который тебя заставили забыть. А это, как видится из Германии и как утверждают светские интеллектуалы, не плохо. Ты будешь как все, станешь похож на народ и уже не будешь чувствовать себя таким несчастным.

– Я не несчастен, – сказал Ка.

– Тот, кто настолько несчастен, на самом деле не несчастен. У здешних людей есть надежда, есть утешение, за которые они крепко держатся. Здесь нет язвительных атеистов из Стамбула. Здесь все гораздо проще.

– Я сейчас пойду, потому что ты этого хочешь. Какой номер дома на улице Байтархане? Сколько мне там оставаться?

– Оставайся до тех пор, пока не обретишь покой! – сказала Ипек. – И не бойся верить. – Она помогла Ка надеть пальто. – Ты что-нибудь помнишь об исламе? – спросила она. – Ты помнишь молитвы, которые учил в начальной школе? Чтобы потом стыдно не было.

– В детстве служанка водила меня в мечеть Тешвикийе, – сказал Ка. – Она ходила туда скорее не затем, чтобы помолиться, а чтобы встретиться с другими служанками. Пока они вдвоём сплетничали, ожидая намаз, я кувыркался и играл с детьми на коврах. В школе я зазубривал все молитвы, чтобы понравиться учителю, который заставлял нас учить «фатиху»³², раздавая пощечины, и бил, схватив за волосы, головой о книгу по исламу, лежавшую открытой на парте. Я выучил все, чему учат о религии в школе, но все забыл. Кажется, единственное, что я сегодня знаю об исламе, – это фильм «Послание» с Энтони Куином в главной роли, – улыбаясь, проговорил он. – Не так давно в Германии его почему-то показали на немецком по турецким каналам. Ты вечером будешь здесь, правда?

³² Сура «Фатиха», «Открывающая», 1-я сура Корана.

- Буду.
 - Я хочу еще раз прочитать тебе свое стихотворение, – сказал Ка, положив тетрадь в карман пальто. – По-твоему, оно красиво?
 - На самом деле красиво.
 - А в каком месте?
 - Не знаю, но очень красиво, – сказала Ипек, открыв дверь и выходя.
- Ка быстро обнял ее и поцеловал в губы.

11

В Европе другой Бог?

Ка и высокочтимый шейх

Есть те, кто видел, как Ка, выйдя из отеля, побежал прямо к улице Байтархане, под снегом и флажками с предвыборной агитацией. Он был так счастлив, что в кинотеатре его воображения от волнения начались одновременно два фильма, как это бывало с ним в детстве в те минуты чрезвычайной радости. В первом фильме действие происходило где-то в Германии, но не у него дома во Франкфурте; они занимались с Ипек любовью. Эту фантазию он видел постоянно, и иногда действие переносилось в номер отеля в Карсе. В другом фильме его разум проигрывал слова и образы, связанные с двумя последними строчками стихотворения «Снег».

В закусочную «Йешил-юрт» он зашел, чтобы спросить дорогу. А затем, с решимостью человека, который очень торопится, он сел за столик и заказал двойную порцию раки, брынзы и каленый горох – на это его вдохновили бутылки, стоявшие на полках рядом с портретом Ататюрка и снежными видами Швейцарии. Телеведущий сообщил, что, несмотря на обильный снегопад, все приготовления для первой в истории Карса прямой трансляции, которая должна произойти сегодня вечером, будут закончены с минуты на минуту, и вкратце рассказал о некоторых местных и общенациональных новостях. К этому времени заместитель губернатора уже позвонил в редакцию и запретил сообщать о покушении на директора педагогического института, чтобы не раздувать дело и не разжигать конфликт еще больше. К тому времени, как Ка обратил на все это внимание, он успел залпом, словно воду, выпить две двойных порции раки.

Выпив третий стакан, он дошел до обители за четыре минуты. Дверь открылась автоматически – наверху нажали на кнопку. Поднимаясь по крутой лестнице, Ка вспомнил стихотворение Мухтара под названием «Лестница», которое все еще лежало у него в кармане. Он был уверен, что все пройдет хорошо, но чувствовал себя как испуганный ребенок, который дрожит, входя в кабинет врача, хотя знает, что врач не будет делать ему укол. Едва поднявшись, он пожалел, что пришел: несмотря на раки, его душу охватил глубокий страх.

Как только высокочтимый шейх увидел Ка, он сразу заметил его страх. А Ка понял, что шейх видит, как он боится. Но в шейхе было что-то такое, отчего стыд Ка прошел. На лестничной площадке на стене висело зеркало в резной раме из орехового дерева. Сперва он увидел шейха в зеркале. Людей в доме было как сельдей в бочке. Комната согрелась от дыхания и человеческого тепла. Внезапно Ка понял, что целует шейху руку. Он не заметил ни того, что было вокруг, ни толпы в комнате, все произошло в мгновение ока.

В комнате собралось более двадцати человек, чтобы принять участие в скромном богослужении, которое проводилось по вторникам вечером, и для того, чтобы рассказать о своих несчастьях. Хозяева молочных ферм, которые были счастливы оказаться рядом с шейхом при любом удобном случае, несколько человек из числа мелких торговцев и хозяев чайных, наполовину парализованный юноша, косоглазый директор одной автобусной фирмы со своим пожилым приятелем, ночной сторож электрической компании, швейцар, уже сорок лет работавший в городской больнице, и другие люди...

Шейх, прочитав по лицу Ка обо всех его сомнениях, показным жестом поцеловал его руку. И это был не только знак уважения: он сделал это так, как целуют милую ручку маленького ребенка. Ка изумился, хотя уже знал, что шейх сделает именно это. Они заговорили под взглядами окружающих, сознавая, что все внимательно их слушают.

– Молодец, что согласился принять мое приглашение, – сказал шейх. – Я видел тебя во сне. Шел снег.

– Я тоже видел вас во сне, светлейший шейх, – ответил Ка. – Я пришел сюда для того, чтобы стать счастливым.

– Мы счастливы, что у тебя родилась мысль, будто счастье твое – здесь, – сказал шейх.

– Мне страшно здесь, в этом городе, в этом доме, – проговорил Ка. – Дело в том, что вы все слишком для меня чужие. Я всегда боялся всего подобного. Я бы не хотел никому целовать руку и не хотел бы, чтобы мне кто-то целовал руку.

– Ты раскрыл свою внутреннюю красоту перед нашим братом Мухтаром, – сказал шейх. – О чем напоминает тебе этот благословенный снег, который идет сейчас?

Ка заметил, что человек, сидевший на софе справа от шейха, у окна, – Мухтар. На лбу и на носу у него был пластырь. Он надел темные очки с широкими стеклами, чтобы скрыть синяки под глазами, как старики, ослепшие от оспы. Он улыбался Ка, но смотрел недружелюбно.

– Снег напомнил мне о Боге, – сказал Ка. – Снег напомнил мне, как прекрасен и загадочен этот мир и что жизнь на самом деле – счастье.

Замолчав на мгновение, он заметил, что все взгляды устремлены на него. Шейх был этим доволен, и это раздражало Ка.

– Зачем вы позвали меня? – спросил он.

– Бог с вами! – сказал шейх. – Из рассказа Мухтар-бея мы решили, что вы ищете друга, с которым захотите побеседовать и открыть сердце.

– Хорошо, давайте побеседуем, – сказал Ка. – Прежде чем прийти сюда, я от страха выпил три рюмки раки.

– Почему вы боитесь нас? – спросил шейх, широко раскрыв глаза, словно в изумлении. Он был полным миловидным человеком, и Ка увидел, что все вокруг него искренне улыбаются. – Вы не скажете, почему боитесь нас?

– Скажу, но я не хочу, чтобы вы обижались, – сказал Ка.

– Мы не обидимся, – ответил шейх. – Пожалуйста, садитесь рядом со мной. Нам очень важно узнать о вашем страхе.

Шейх говорил полушутя-полусерьезно, так что его последователи были готовы в любой момент рассмеяться. Ка, едва сев, почувствовал, что хочет поддаться этому настроению, которое ему понравилось.

– Я всегда искренне, как ребенок, хотел, чтобы моя страна развивалась, чтобы люди стали свободными и современными, – сказал он. – Но мне всегда казалось, что наша религия против этого. Может быть, я ошибаюсь. Извините. А может быть, я сейчас сильно пьян и потому могу в этом признаться.

– Бог с вами!

– Я вырос в Стамбуле, в Нишанташи, в светских кругах. Я хотел жить по-европейски. Моя жизнь прошла вдалеке от религии, потому что я понял, что не смогу одновременно быть европейцем и верить в Аллаха, который запикивает женщин в чаршаф и приказывает им закрывать лица. Уехав в Европу, я узнал, что может быть другой Аллах, а не тот, о котором рассказывают бородатые реакционные провинциалы.

– В Европе другой Бог? – спросил Шейх шутливо, глядя Ка по спине.

– Я хочу Бога, перед которым мне не надо снимать обувь, не надо вставать на колени и целовать кому-то руку. Бога, который поймет мое одиночество.

– Бог един, – сказал Шейх. – Он все видит, всех понимает. И твое одиночество тоже. Если бы ты в Него верил и знал, что Он видит и твое одиночество, ты бы не чувствовал себя одиноким.

– Очень верно, досточтимый шейх-эфенди, – сказал Ка, почувствовав, что обращается и ко всем присутствующим. – Я не могу верить в Аллаха, потому что я одинок, и не могу спастись от одиночества, потому что не верю в Аллаха. Что мне делать?

Несмотря на то что Ка был пьян и совершенно неожиданно получил огромное удовольствие оттого, что смело говорит настоящему шейху все, что хочет, он вдруг испугался того, что шейх молчит потому, что решил, что Ка зашел слишком далеко.

– Ты и в самом деле хочешь моего совета? – спросил шейх. – Мы – люди, которых вы называете боролатыми, реакционными провинциалами. И даже если мы сбреем бороду, провинциальность никуда не денется.

– Я тоже провинциал, и даже больше, я хочу быть провинциалом, быть забытым в самом безвестном уголке мира, где идет снег, – проговорил Ка.

Шейх опять поцеловал ему руку. Ка это понравилось, он заметил, что шейх делал это не против собственной воли. Но в глубине души Ка понимал, что все еще хочет быть европейцем, совершенно другим человеком, и почувствовал, что из-за этого презирает себя.

– Простите меня, перед тем как прийти сюда, я выпил, – повторил он. – Всю жизнь я чувствовал вину за то, что не верю в Аллаха бедняков и необразованных, в которого верят тетушки в платках и дядюшки с четками. В моем неверии было что-то надменное. Но в Бога, благодаря которому сейчас падает этот прекрасный снег, я верить хочу. Есть Бог, который сделает людей более цивилизованными, более утонченными, который внимательно наблюдает за скрытой симметрией мира.

– Конечно есть, сынок, – сказал шейх.

– Но этот Бог не здесь, не среди вас. Он снаружи, в снеге, который падает в сердце пустой темной ночи на одиноких скитальцев.

– Если ты собираешься в одиночку прийти к Богу, то иди, пусть снег в ночи наполнит твое сердце любовью к Нему. Мы не будем преграждать тебе путь. Но не забудь, что самовлюбленные гордецы остаются одни. Бог гордецов не любит. Шайтана прогнали из рая за гордыню.

Ка опять почувствовал тот же страх, которого впоследствии он будет стыдиться. И ему уже сейчас не нравилось, что о нем будут говорить, когда он уйдет отсюда.

– Что мне делать, досточтимый шейх? – спросил он. Тот хотел было вновь поцеловать его руку, но раздумал. Ка понимал, что его нерешительность и опьянение все заметили и презирают его за это. – Я хочу поверить в Аллаха, в которого верите вы, и стать, как и вы, простым человеком, но я запутался – из-за европейца, который сидит во мне.

– Для начала хорошо уже то, что у тебя такие благие намерения, – сказал шейх. – Сначала научись быть смиренным.

– А что мне для этого надо делать? – спросил Ка. В нем снова появился насмешливый чертенок.

– Все, кто хочет поговорить по вечерам, садятся на этот край тахты, куда я усадил тебя, – произнес шейх. – Все друг другу братья.

Ка понял, что все, кто сидел на стульях и на тюфяках на полу, выстроились в очередь, чтобы сесть на этот край тахты. Он поднялся, потому что понял, что шейх больше уважает эту невидимую очередь, нежели его самого, и самым правильным будет встать в ее конец и терпеливо ждать; шейх, поцеловав ему руку еще раз, усадил его на самый дальний тюфяк.

Рядом с ним сидел приятный человек невысокого роста с золотыми зубами, владелец чайной на проспекте Инёню. Человек был таким маленьким, а в голове у Ка все так запуталось, что он вдруг решил, будто этот человек пришел к шейху для того, чтобы тот подсказал ему, что делать с его ростом. Во времена его детства в Нишанташи жил карлик с изысканными манерами, который каждый день, под вечер, покупал у цыган на площади Нишанташи букет фиалок или одну гвоздику. Маленький человечек сказал Ка, что видел его, когда тот проходил мимо его чайной, но, к сожалению, не зашел, и что он ждет его завтра. Между тем в разговор

вмешался косоглазый директор автобусной фирмы; он тоже шепотом сказал, что сам когда-то очень грустил из-за одной девушки, часто выпивал, был таким безбожником, что не признавал Аллаха, но потом все прошло и забылось. Ка хотел спросить: «Вы женились на ней?» – но тут косоглазый директор сказал:

– Мы поняли, что девушка нам не подходит.

Шейх снова завел речь против самоубийств: все слушали молча, некоторые покачивали головой, а трое всё перешептывались друг с другом.

– Были еще и другие самоубийства, – рассказал маленький человечек, – но государство скрывает это, как метеорологи скрывают приближение холодов, чтобы не портить людям настроение; девушек ради денег выдают за пожилых чиновников, за мужчин, которых они не любят.

Директор автобусной фирмы произнес:

– Моей жене, когда мы познакомились, я поначалу тоже совсем не понравился.

Перечислили причины самоубийств: безработицу, дороговизну, безнравственность, безбожие. Ка чувствовал себя лицемером, потому что признавал правоту каждого говорившего. Косоглазый директор подтолкнул локтем своего пожилого товарища, когда тот начал клевать носом. Наступило долгое молчание, и Ка почувствовал, что в нем нарастает ощущение покоя: они находились так далеко от центра мира, что, казалось, никому и в голову не придет приехать сюда, и под влиянием падающих снежинок, будто повисших в воздухе, создавалось впечатление, что земное притяжение исчезло.

Им никто не интересовался, и у Ка родилось новое стихотворение. Тетрадь он взял с собой. Помня опыт первого стихотворения, он полностью сосредоточился на голосе, все громче звучавшем внутри. На этот раз он, не отвлекаясь, одним махом записал тридцать шесть строчек. В голове у него стоял туман из-за раки, и он был не слишком уверен в совершенстве стихотворения, и все же, чувствуя в себе новое вдохновение, он встал, попросил у шейха разрешения выйти, бросился наружу, сел на высокую ступень лестницы, начал читать – и убедился, что это стихотворение столь же безупречно, как и первое.

Стихотворение было написано под впечатлением от того, что Ка только что пережил, чему был свидетелем: в одном четверостишии содержался разговор с шейхом о бытии Бога, в других нашлось место всему: и чувству вины перед «Аллахом бедняков», и размышлениям об одиночестве, скрытом смысле мира и устройстве жизни, и человеку с золотыми зубами, и косоглазому, и учтивому карлику с гвоздикой – словом, всему тому, что заставило Ка вспомнить всю свою жизнь. «Какой во всем этом смысл?» – подумал он, изумляясь красоте того, что только что сам написал. Он считал стихотворение красивым, потому что читал его так, будто его написал кто-то другой. И материал стихотворения, и вся его жизнь представлялись ему удивительными из-за того, что стихотворение оказалось красивым. Что означала эта красота?

Автоматические пробки на лестнице щелкнули, и стало темно. Он нашел выключатель и включил свет, и, когда еще раз заглянул в тетрадь, которую держал в руках, у него родилось название стихотворения. «Скрытая симметрия» – написал он сверху. Позже он покажет – то, что он так быстро нашел это название, доказывает: это стихотворение не было его собственным замыслом, и поместит его на ось логики, как и первое.

12

Если Аллаха нет, то какой смысл в том, что бедняки так страдают?

Рассказ Неджипа о разлуке

Возвращаясь под снегом из обители шейха в отель, Ка думал о том, что скоро снова увидит Ипек. Выйдя на проспект Халит-паши, он вдруг оказался посреди предвыборного митинга Народной партии, а затем в окружении школьников, выходивших с университетских подготовительных курсов: они говорили о вечерней телевизионной трансляции, о том, как преподавателя химии легко обмануть в карты, и точно так же, как Ка и я в этом возрасте, безжалостно друг друга подкалывали. В дверях одного жилого дома он увидел маленькую заплаканную девочку, которая держалась за руку своей бабушки, – видимо, они шли из кабинета дантиста на верхнем этаже. По их одежде он сразу понял, что живут они, еле сводя концы с концами, но все-таки отвели свою обожаемую девочку не в государственную поликлинику, а к частному врачу, который, как они считали, сделает не так больно. Из открытой двери лавки, где продавались женские чулки, катушки ниток, цветные карандаши, батарейки и кассеты, он услышал «Роберту», песню Пеппино ди Капри, которую слушал в детстве по радио, когда они с дядей зимой по утрам ездили на Босфор гулять, и, решив, что этот настрой – предвестник нового стихотворения, вошел в первую попавшуюся чайную, сел за свободный столик и достал карандаш и тетрадь.

Какое-то время Ка смотрел на пустую страницу увлажнившимися глазами, потом понял, что стихотворения не будет, но его оптимистический настрой не исчез. На стенах чайной, битком набитой безработными и студентами, помимо видов Швейцарии, он увидел театральные афиши, вырезанные из газет карикатуры и статьи, объявление об условиях конкурса по набору сотрудников и расписание матчей, которые должен был провести в этом году футбольный клуб «Карсспор». Большинство уже сыгранных матчей закончились поражением, и их результаты были написаны карандашом другого цвета, а рядом с матчем с «Эрзурумспором», который закончился поражением 6:1, были написаны строки, одна из которых целиком войдет в стихотворение «Все человечество и звезды». Его Ка напишет на следующий день, сидя в чайной «Талихли кардешлер»³³:

Если мать вернется из рая, чтобы нас, как прежде, обнять,
И не станет отец-безбожник в этот вечер ее избивать,
Все равно всё впустую, дерьмо замерзнет, душа иссохнет,
надежды нет!
Воду спусти, чтобы смыло тебя, – не стоило
в Карс приезжать.

Когда Ка, добродушно усмехаясь, записывал это четверостишие себе в тетрадь, от одного из столиков к нему подсел Неджип, на лице у которого было весьма неожиданное для Ка радостное выражение.

³³ «Удачливые братья».

– Я так рад, что тебя увидел, – сказал Неджип. – Ты пишешь стихотворение? Я прошу извинить моего друга, который назвал тебя атеистом. Они впервые в жизни видят атеиста. Но ты не можешь быть атеистом, потому что ты очень хороший человек.

Он продолжал говорить – довольно несвязно, как Ка показалось поначалу: они с друзьями убежали из училища, чтобы посмотреть вечернее представление, но собирались сесть на задние ряды, потому что не хотели, чтобы, когда по телевидению будет идти прямая трансляция, директор их «обнаружил». Они были очень рады, что сбежали из училища, собирались встретиться с друзьями в Национальном театре. Они знали, что Ка будет читать там стихи. В Карсе все писали стихи, но до знакомства с Ка они ни разу не видели поэта, чьи стихи издавались. Можно ли угостить Ка чаем? Ка сказал, что торопится.

– Тогда я задам тебе один-единственный вопрос, последний вопрос, – сказал Неджип. – Я не ставлю себе целью обидеть тебя, как и мои друзья. Мне просто очень любопытно.

– Хорошо.

Сперва он дрожащими руками зажег сигарету.

– Если нет Аллаха, то, значит, нет и рая. Тогда миллионы людей, которые живут в нужде, нищете и страданиях, не смогут даже в рай попасть. В таком случае, какой смысл в том, что бедняки так много страдают? Для чего мы живем и зачем так много и напрасно страдаем?

– Аллах есть. И рай есть.

– Нет, ты говоришь это, чтобы меня утешить, потому что сочувствуешь нам. Когда ты вернешься в Германию, ты опять, как и раньше, начнешь думать, что Аллаха не существует.

– Я впервые за многие годы очень счастлив, – сказал Ка. – Почему бы мне не поверить в то, во что веришь ты?

– Потому что ты из высшего общества Стамбула, – ответил Неджип. – А там не верят в Аллаха. Они считают себя выше простых людей из-за того, что ценят то же, что и европейцы.

– Может быть, я и из высшего общества Стамбула, – сказал Ка, – но в Германии я был чужаком, которого никто ни во что не ставил. Это было унижительно.

Неджип, задумавшись, смотрел своими красивыми глазами как бы в себя, и Ка понял, что юноша в один момент проанализировал и оценил его особое положение.

– Тогда зачем же ты рассердил власть и убежал в Германию? – Он увидел, что Ка погрузился, и сказал: – Ну и ладно! Вообще-то, если бы я был богат, мне было бы стыдно и я бы еще сильнее верил в Аллаха.

– Даст Бог, когда-нибудь мы все разбогатеем, – проговорил Ка.

– Не думай, что мне кажется, будто все так уж просто. И я не так прост и к тому же богатым быть не хочу. Я хочу быть поэтом, писателем. Я пишу научно-фантастический роман. Может быть, его напечатают в одной из газет Карса, в «Мызраке»³⁴ например, но я хочу, чтобы роман опубликовали не в газете, которая издается в семидесяти пяти экземплярах, а в стамбульских газетах, которые выходят многотысячными тиражами. Краткое изложение моего романа у меня с собой. Если я прочитаю, ты сможешь мне сказать, реально ли издать его в Стамбуле?

Ка посмотрел на часы.

– Очень быстро! – сказал Неджип.

Как раз в этот момент выключилось электричество, и весь Карс погрузился в темноту. При свете огня, горевшего в печке, Неджип сбегал к прилавку за свечой, зажег ее, покапал воском на тарелку, приклеил свечу и поставил на стол. Потом вытащил из кармана помятые листки бумаги и дрожащим голосом начал читать, то и дело запинаясь от волнения.

³⁴ «Копье».

В 3579 году на планете Газали³⁵, которая сейчас еще не открыта, люди были очень богатыми, а жизнь была гораздо спокойнее, чем сейчас, но в противоположность тому, что думают о будущем материалисты, люди не перестали обращать внимание на свою духовную жизнь, считая, что уже стали богатыми. Наоборот, все очень интересовалось вопросами отношений бытия и небытия, человека и мира, Аллаха и Его рабов. Поэтому в самом удаленном уголке этой красной планеты открылся Лицей исламских наук и проповедников, куда принимали только самых способных и трудолюбивых учеников. В этом лицее было два верных друга, взявшие себе прозвища Неджип и Фазыл по имени Неджипа Фазыла³⁶, книги которого, написанные 1600 лет назад, но все еще очень актуальные из-за злополучного вопроса об отношениях Востока и Запада, они с восторгом читали. По многу раз перечитывали они самое замечательное произведение великого мастера «Великий Восток», встречались втайне от всех по ночам на койке Фазыла, самой верхней, и, вытянувшись бок о бок под одеялом, наблюдали за тем, как на стеклянную крышу над ними падают и исчезают синие снежинки, сравнивали каждую из них с исчезающей планетой, шептались о смысле жизни и о том, что будут делать в будущем.

Эта чистая дружба, которую пытались запятнать грязными шутками завистники с черным сердцем, однажды омрачилась. Оба в один день влюбились в невинную девушку по имени Хиджран³⁷, которую с помощью луча прислали в их удаленный городок. Они узнали, что отец Хиджран был атеистом, но это не спасло их от безнадежной любви, а, наоборот, усилило страсть. Они быстро и всем сердцем поняли, что эта красная планета предназначена только для одного из них и что один из них должен умереть, но прежде пообещали друг другу: кто бы из них ни умер, он вернется после того, как окажется в другом мире, на каком бы расстоянии световых лет ни находился, и расскажет о том, что их больше всего волновало, о жизни после смерти.

Они не решили, кто и как умрет, потому что оба знали, что самым большим счастьем для обоих было бы пожертвовать собой ради счастья другого. Если, например, Фазыл говорил, что давай, мол, голыми руками одновременно возьмемся за обнаженный электрический провод, то Неджип сразу же понимал, что это хитрый обман, который Фазыл придумал, чтобы пожертвовать собой и умереть, потому что с его, Неджипа, стороны в проводе не было напряжения. Эта неопределенность, длившаяся многие месяцы, приносила обоим огромные страдания, но однажды вечером она разрешилась: вернувшись с вечерних занятий, Неджип обнаружил труп своего любимого друга, застрелившегося у себя на койке.

На следующий год Неджип женился на Хиджран и в брачную ночь рассказал ей о том, о чем они договорились с другом, сказав, что однажды призрак Фазыла обязательно вернется. А Хиджран ему ответила, что на самом деле она любила Фазыла, и плакала навзрыд целыми днями после его смерти, и вышла замуж за Неджипа только потому, что он – друг Фазыла и похож на

³⁵ *Абу Хамид аль-Газали* (1058–1111) и упоминаемый ниже *Ибн аль-Араби* (1165–1240) – исламские богословы и мистики, крупнейшие представители и теоретики суфизма.

³⁶ *Неджип Фазыл Кысакюрек* (1904–1983) – турецкий поэт, писатель и философ.

³⁷ Дословно: разлука.

него. Они не стали отдаваться друг другу и запретили себе любовь до тех пор, пока из мира иного не вернется Фазыл.

Но по мере того, как проходили годы, сначала их души, а потом и тела начали страстно желать друг друга. Однажды вечером, когда с помощью луча их отправили в маленький город Карс, на Землю, для наблюдений, они не выдержали и предались любви как сумасшедшие. Они словно забыли Фазыла, который мучил их тела, будто зубная боль. Однако в сердцах их росло чувство вины, и это их испугало. В один момент они оба поднялись на кровати, решив, что задохнутся от этого странного чувства, смешанного со страхом. В это время телевизионный экран напротив них загорелся сам собой, и там показался Фазыл в виде сверкающего и сияющего призрака. У него на лбу и под нижней губой все еще были свежие кровавые раны от пуль, полученных в день гибели.

– Я страдаю, – сказал Фазыл. – В загробном мире не осталось места, не осталось уголка, где бы я не побывал. («Я во всех деталях опишу эти путешествия, черпая вдохновение из „Завоевания Мекки“ аль-Газали и из сочинений аль-Араби», – сказал Неджип.) Я удостоился самой большой благосклонности ангелов Аллаха, поднялся на самые высоты неба, что считаются недостижимыми, я видел ужасные наказания, которым подвергаются в аду атеисты в галстуках и высокомерные позитивисты с колонизаторскими замашками, насмехающиеся над верой народа, – но все же не стал счастливым, потому что мысленно был здесь, с вами.

Муж с женой в изумлении и страхе слушали слова несчастного призрака.

– Многие годы меня огорчало не то, что вы когда-нибудь оба будете счастливыми, какими я вижу вас сегодня вечером. Напротив, я больше своего собственного счастья хочу, чтобы Неджип был счастлив. Из-за того, что мы оба так любили друг друга, так дружили, мы никак не могли убить ни себя, ни друг друга. Мы словно бы укрылись броней бессмертия из-за того, что больше ценили жизнь друга, нежели свою собственную. Какое это было счастливое чувство! Но моя смерть доказала мне, что я ошибался, веря в него.

– Нет! – воскликнул Неджип. – Я никогда не ценил свою собственную жизнь больше твоей!

– Если бы это было правдой, я бы не умер, – проговорил призрак Фазыла. – А ты никогда не женился бы на прекрасной Хиджран. Я умер потому, что ты тайно, даже втайне от себя, желал моей смерти.

Неджип вновь пытался резко возражать, но призрак его не слушал.

– В загробном мире мне не давало покоя не только подозрение, что ты желал моей смерти, но и мысль о том, что ты был соучастником вероломного убийства, когда я погиб ночью в своей постели от выстрелов в голову, и страх, что ты связался с врагами шариата, – сказал призрак.

Неджип замолчал и теперь не возражал.

– У меня есть только один способ избавиться от этих тревог и попасть в рай, а у тебя – избавиться себя от подозрения в совершении этого ужасного преступления, – промолвил дух. – Найди того, кто меня убил. Уже семь лет и семь месяцев не могут найти ни одного подозреваемого. Я хочу возмездия для того, кто имел хотя бы намерение меня убить или имел отношение к моей смерти. Пока этот презренный не будет наказан, мне в этом мире, в этом временном мире, который вы считаете настоящим миром, нет покоя.

Пораженные и рыдающие супруги не могли ничего ответить, а призрак внезапно исчез с экрана.

– Что же было дальше? – спросил Ка.

– Я еще не решил, чем закончится, – ответил Неджип. – Если я допишу этот рассказ, он, по-твоему, будет продаваться? – Увидев, что Ка не отвечает, он тут же добавил: – Вообще-то, я пишу о том, во что верю всем сердцем. По-твоему, о чем этот рассказ? Что ты чувствовал, когда я читал?

– Я с ужасом понял, что ты всем сердцем веришь в то, что эта жизнь – всего лишь подготовка к жизни в ином мире.

– Да, я верю в это! – горячо ответил Неджип. – Но этого недостаточно. Аллах желает, чтобы мы были счастливы и в этом мире. А это так сложно!

Они замолчали, думая об этой сложности.

В этот момент включили свет, но посетители чайной молчали, словно все еще было темно. Хозяин стал стучать кулаком по неработавшему телевизору.

– Мы сидим уже двадцать минут, – сказал Неджип. – Наши уже, конечно, лопнули от любопытства.

– Наши – это кто? – спросил Ка. – Фазыл тоже среди них? Это ваши настоящие имена?

– Конечно, это не мое настоящее имя, как и у Неджипа в рассказе. Не задавай вопросов, как в полиции! А Фазыл никогда не ходит в такие места, – ответил Неджип с загадочным видом. – Самый яркий мусульманин среди нас – это Фазыл, и он же – тот человек, кому я больше всего в жизни доверяю. Но он боится, что, если он будет замешан в политику, это попадет в его личное дело и его выгонят из школы. В Германии у него есть дядя, и он позднее попросит, чтобы он забрал его к себе, но мы очень любим друг друга, как в рассказе, и, если кто-нибудь убьет меня, я уверен, он за меня отомстит. На самом-то деле мы еще ближе, чем я изобразил в рассказе, и, как бы далеко мы ни были друг от друга, мы знаем, что делает в тот или иной момент каждый из нас.

– Что делает сейчас Фазыл?

– Хм... – ответил Неджип. Он странно посмотрел на Ка. – Читает в общегитии.

– Кто такая Хиджран?

– Как и нас, ее на самом деле зовут иначе. Но не она сама себя Хиджран назвала, это мы ее так называли. Некоторые постоянно пишут ей любовные письма и стихи, но боятся отправить. Если бы у меня была дочь, я бы хотел, чтобы она была такая же красивая, умная и смелая, как она. Она – лидер девушек в платках, ничего не боится и очень яркая личность. На самом деле вначале, под влиянием своего отца-атеиста, она тоже не верила в Аллаха, работала моделью в Стамбуле, показывала по телевизору свой зад и ноги. Сюда она приехала, чтобы сняться в рекламе шампуня, которую тоже должны были показать по телевизору. Она шла по самой бедной и грязной, но самой красивой улице Карса – по проспекту Гази Ахмет Мухтар-паши, внезапно останавливалась перед камерой, одним движением распуская свои великолепные светло-каштановые, до талии, волосы, и, взмахнув ими, словно флагом, говорила: «Хотя прекрасный город Карс и полон грязи, мои волосы всегда сияют благодаря „Блендаксу“». Рекламу, видимо, должны были показать по всему миру, и весь мир должен был смеяться над нами. Две девушки из педагогического института, в котором тогда еще только начиналась война из-за платков, узнали ее, потому что видели по телевизору и на фотографиях в желтых газетах, где писали об ее скандальных историях с богатыми стамбульскими парнями, и втайне восхищались ею; они пригласили ее на чай. Хиджран пошла, чтобы посмеяться над ними. Там ей сразу стало скучно, и она сказала: «Раз уж ваша религия – да, так и сказала, не наша религия, а ваша религия – запрещает, чтобы волосы были видны, а власть запрещает их закрывать, вы тогда сделайте как этот – тут она назвала имя иностранной рок-звезды – побрейтесь наголо, а в нос повесьте железное колечко! Тогда весь мир обратит на вас внимание!» Наши девушки так растерялись,

что вместе с ней стали смеяться над этой шуткой! Хиджран от этого осмелела и сказала: «Снимите кусок тряпки, который ведет вас в темноту Средневековья, с ваших красивых голов!» – и попыталась протянуть руку к платку самой растерянной из девушек и снять его, и вдруг рука осталась неподвижной. Она сразу же бросилась на землю и попросила у той прощения – ее брат, самый глупый из глупых, учится в нашем классе. На следующий день она снова пришла, и потом опять, и наконец присоединилась к ним, а в Стамбул больше не вернулась. Поверь мне, это она – та святая женщина, которая превратила платок в знамя политической борьбы угнетаемых мусульманок Анатолии, поверь мне!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.